
History and Historians in the Context of the Time



Has been issued since 2003.
ISSN 2078-1296, E-ISSN 2310-6239
2017, 15(1). Issued once a year.

EDITORIAL BOARD

Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Russian Federation (Editor in Chief)
Kudinov Dmitrii – Sumy Regional Institute of Teacher Education, Ukraine
Bäckman Johan – University of Helsinki, Finland
Dutchak Elena – Tomsk State University, Russian Federation
Gogitidze Mamuka – Shota Rustaveli National University, Georgia
Krinko Evgeny – Institute of Social, Economic and Humanitarian Research of SSC RAS, Russian Federation
Danilenko Viktor – Kyiv National Pedagogical University, Ukraine
Rozhkov Aleksandr – Kuban State University, Russian Federation
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (RAS), Russian Federation
Yanysh Sergei – Stavropol State Agrarian University, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **ERIHPLUS** (Norway), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **DOAJ** (UK), **OAJI** (Russia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava, Slovakia, Nove Mesto, 831 04

Release date 16.03.17.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № 18.

History and Historians in the Context of the Time

2017

Is.

1



Издается с 2003 г.
ISSN 2078-1296, E-ISSN 2310-6239
2017, 15(1). Выходит 1 раз в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Российская Федерация (Гл. редактор)
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Российская Федерация
Кудинов Дмитрий – Сумский областной институт последипломного педагогического образования, Украина
Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки
Гогитидзе Мамука – Национальный университет им. Шота Руставели, Тбилиси, Грузия
Дутчак Елена – Томский государственный университет, Российская Федерация
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Российская Федерация
Даниленко Виктор – Киевский национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова, Украина
Рожков Александр – Кубанский государственный университет, Российская Федерация
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Российская Федерация
Януш Сергей – Ставропольский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **ERIHPLUS** (Норвегия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **DOAJ** (Великобритания), **ОАИ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 831 04, Словакия, г. Братислава, Нове Место, ул. Стара Вайнорска, 1367/4
Дата выпуска 16.03.17.
Формат 21 × 29,7/4.

Сайт журнала: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru
Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Заказ № 18.

CONTENTS

Articles and Statements

| | |
|--|----|
| The Importance of “Thoughts on Being Profitable for the State in the Financial Relation of the System of Contributing Irregular Troops by Special Population Groups, Enjoying for this Military Service Exemptions and Privileges” of N.I. Krasnov in the Legacy of the Author, and Social-Political Life of the Don 1860 A.Y. Peretyatko | 4 |
| Genesis the Specifics of the Islamization the North Caucasus A.M. Shamaev | 23 |
| Problems of Development of Education of Muslims of Terek Region (second half of XIX – beginning of XX centuries) R.A. Khachidogov | 30 |
| Historical and Pedagogical Views of P.K. Uslar (To the 200th Anniversary of His Birth) H.O. Blejkh | 37 |
| Kurdistan and the "Kurdish Issue" in the "Oriental Policy" of Russia N. Ter-Oganov | 49 |

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



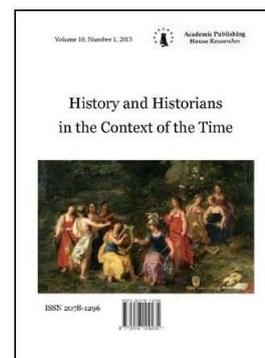
Published in the Slovak Republic
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

2017, 15(1): 4-22

DOI: 10.13187/hhct.2017.1.4

www.ejournal3.com

Articles and Statements

UDC 93/94

The Importance of “Thoughts on Being Profitable for the State in the Financial Relation of the System of Contributing Irregular Troops by Special Population Groups, Enjoying for this Military Service Exemptions and Privileges” of N.I. Krasnov in the Legacy of the Author, and Social-Political Life of the Don 1860

Artyom Y. Peretyatko ^{a,*}^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation**Abstract**

The article is devoted to the manuscript of the well-known Cossacks statistics N.I. Krasnov which is currently published only in part and stored in Russian state military and historical archive. The author analyzes the history of its creation and some of the features of the text. The article shows that “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” were the last attempt high "progressives" to persuade the Ministry of War to the demilitarization of the Cossacks. N.I. Krasnov thinks that Cossack troops economically inefficient institution even before writing this text, and in their study defended a similar view. Besides the result of the our study is the conclusion that this manuscript of N.I. Krasnov marked the beginning of the creative period of the author which was characterized by a diversity of subjects and a preference for small forms.

Keywords: N.I. Krasnov, F. F. Tornau, A.P. Chebotarev, «progressisty», «kazakomany».

1. Введение

Генерал-лейтенант Николай Иванович Краснов, видный общественный деятель и статистик, уже современникам представлялся значимой для донской истории фигурой. Вскоре после его смерти, в 1907 г., краткое жизнеописание казачьего генерала вошло в сборник «Донцы XIX века» (Донцы, 2003: 247-249). Личность Н.И. Краснова привлекала историков и краеведов и в дальнейшем. Его самая подробная на данный момент биография была создана В.Н. Королевым в 1980 г. (Королев, 1991: 234-244). В XXI в. новая информацию о донском статистике была найдена нами и А.А. Волвенко (Волвенко, 2007: 49-50; Peretyatko, 2016c: 89-90). Если добавить к этому многочисленные энциклопедические

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

статьи и материалы в периодической печати, может показаться, что жизненный путь Н.И. Краснова в настоящее время достаточно изучен.

Однако на самом деле это совсем не так. Даже конкретные события из биографии казачьего генерала зачастую описываются в достаточно авторитетных источниках превратно. Например, разнится дата окончания им академии генерального штаба: в сборнике «Донцы XIX века» указан 1855 г. (Донцы, 2003: 248), в «Военной энциклопедии» издательства Сытина точная дата не называется, но упоминается, что это произошло после 1863 г. (Военная энциклопедия, 1913: 257), а В.Н. Королев настаивает на 1858 г. (Королев, 1991: 235). Судя по «Историческому очерку Николаевской академии генерального штаба», содержащему поименные списки выпускников по годам, именно последнюю датировку следует считать верной (Глиноецкий, 1882: 95). Остается не вполне ясной и роль Н.И. Краснова при обороне Таганрога в ходе Крымской войны, к периоду которой относятся самые героические страницы жизни донского статистика. Источники сходятся в том, что он специально перевелся в 3 донскую конно-артиллерийскую батарею из гвардии, чтобы принять участие в боевых действиях (Донцы, 2003: 247-248; Королев, 1991: 234). О нем упоминает и М.И. Богданович в своей подробной истории Крымской войны. Однако в обороне Таганрога 3 донская конно-артиллерийская батарея участия не принимала. Конкретная часть «сотника Краснова», назначенного руководить артиллерией таганрогских укреплений, М.И. Богдановичем не указывается, в отличие от частей других отличившихся при обороне города офицеров-артиллеристов (Богданович, 1876: 334-337). Судя по не очень ясному описанию этого эпизода В.Н. Королевым, Н.И. Краснов для участия в боевых действиях не только перевелся в другую часть, но и взял затем отпуск, чтобы отправиться в оказавшийся под угрозой Таганрог, обороной которого руководил его отец, И.И. Краснов (Королев, 1991: 234). Там он помогал командиру 2 донской конно-артиллерийской батареи, хотя и не был приписан к ней (Богданович, 1876: 337).

Если даже событийная канва жизни донского генерала остается недостаточно изученной, то с его творческим наследием дела обстоят просто катастрофически. Путаница началась уже с такого серьезного труда, как «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». В его первом издании Н.И. Краснову были приписаны сборники рассказов «На озере», «Донцы» и «Ваграм». Из научных работ был особенно выделен некий труд «Терские казаки», удостоенный золотой медали Академии наук (Энциклопедический словарь, 1906: 5). В действительности все эти тексты принадлежали другим авторам. В частности, нам не составило труда найти второе издание сборника рассказов «Ваграм», написанного П.Н. Красновым (сыном Н.И. Краснова, будущим донским атаманом, участником гражданской войны и военным преступником) (Краснов, 1909). Остальные беллетристические произведения из этого списка принадлежат ему же, что было отмечено в новом издании «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (Новый энциклопедический словарь, 1915: 101). На данную ошибку указывали и до нас, поскольку П.Н. Краснов является достаточно популярной исторической фигурой, и список его произведений хорошо известен (Зверев, 2013: 45-47).

Гораздо запутаннее выглядит ситуация вокруг «Терских казаков», якобы написанных Н.И. Красновым. Информацию о том, что это было научное исследование, удостоенное золотой медали Академии наук, продолжают транслировать некоторые серьезные постсоветские работы. В частности, на этом настаивает выпущенный под эгидой Российской академии наук энциклопедический словарь «Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги» (Русская литература, 2005: 303). Впрочем, появилась и иная версия: в некоторых популярных книгах утверждается, что золотой медали Академии наук был удостоен отзыв на сочинение некоего «Лобко» (без инициалов) (Смирнов, 2002: 302-303). Как ни странно, эта версия ближе к действительности: нам не удалось обнаружить самостоятельной работы Н.И. Краснова о терских казаках, однако в 1881 г. он опубликовал в «Военном сборнике» отзыв на книгу «Терские казаки с стародавних времен» Ивана Попко (Систематический указатель, 1891: 78). Разумеется, речь идет об известной работе И.Д. Попко, изданной как раз незадолго до этого (Попко, 1880). Никаких подтверждений того факта, что этот рядовой отзыв был награжден золотой медалью, в прижизненных источниках и биографиях Н.И. Краснова нам обнаружить не удалось.

Позднейшие исследователи не только зачастую повторяли ошибки «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», но и добавили к ним несколько новых. К сожалению, это относится и к В.Н. Королеву, который датировал одну из важнейших книг Н.И. Краснова, «Военное обозрение Земли Донского Войска», 1864 г. (Королев, 1991: 237). Между тем не только в выходных данных этой книги указан 1870 г., но и в тексте содержатся отсылки к статистической информации второй половины 1860 гг. (Краснов, 1870: 47). Работы других авторов, особенно не носящие научный характер, содержат еще больше неточностей. Наиболее показательной нам представляется статья некоего А. Ситникова «Что нужно знать о атамане Петре Краснове». В ней Н.И. Краснов был объявлен писателем, книгами которого «зачитывался Петербург». Более того, были названы и названия этих книг, «Донцы» и «На озере» (Ситников, 2016). Ирония заключается в том, что в действительности, как мы писали выше, эти сборники рассказов принадлежали П.Н. Краснову, который был куда более известным автором, чем его отец. Считать Н.И. Краснова сколько-либо популярным беллетристом было бы очевидным преувеличением, но статья А. Ситникова, рисующая подобный искаженный образ, достаточно популярна в интернете.

Мы позволили себе подробно остановиться на ошибках предыдущих исследователей, чтобы показать, насколько неизученной остается жизнь и творчество Н.И. Краснова. А его значение в донской истории трудно переоценить: генерал был автором первого опубликованного историко-статистического описания Земли Войска Донского, содержащего, несмотря на определенные неточности, неоценимый фактический материал (Краснов, 1863). К сожалению, до сих пор отсутствуют серьезные исследования этой книги и ее роли в развитии донской историографии и статистики. Но очевидно, что она стала серьезнейшим подспорьем для позднейших авторов: например, С.Ф. Номикосов широко использовал материалы, найденные Н.И. Красновым, иногда близко к тексту пересказывая целые отрывки из работы предшественника (Перетятко, 2014б: 417-428). Многочисленные, разбросанные по периодическим изданиям статьи Н.И. Краснова до сих пор остаются уникальным источником для изучения малоизвестных вопросов донской истории. Например, в 1877 г. он подготовил для «Русского инвалида» статью о том, как воспринимают казачество в сопредельных с Россией странах, в Германии и в Австро-Венгрии, насколько высоко оценивают его боеспособность, и как собираются противодействовать многочисленной казачьей кавалерии (Краснов, 1877: 3-4). В 1883-1884 гг., по ходу деятельности комиссии, созданной для исследования боевого опыта казачьих частей в русско-турецкую войну 1877-1878 гг., Н.И. Краснов отчитывался о ее успехах и неудачах на страницах периодической печати, акцентируя особое внимание на дискуссионных аспектах казачьей тактики и мнениях опытных офицеров (Краснов, 1883а: 3-4; Краснов, 1883б: 3-4; Краснов, 1884а: 3-4; Краснов, 1884б: 3-4). Число подобных примеров можно множить и множить, а нам остается только пожалеть о том, что донской статистик не систематизировал и не издал свои поздние публикации отдельной книгой, из-за чего они мало известны и мало используются современными исследователями.

К числу интереснейших, но малоизвестных трудов Н.И. Краснова можно отнести и его рукопись «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями». В ней видный донской статистик, принадлежащий к одному из самых уважаемых донских казачьих родов, отстаивал мысль о экономической неэффективности казачества, и призывал имперские власти использовать шансы для его постепенной демилитаризации. Неопубликованная при жизни Н.И. Краснова, эта работа только в последние годы начала привлекать внимание историков, посвятивших ей несколько статей (Волвенко, 2007: 47-56; Peretyatko, 2016с: 79-99). Нами была начата и ее полная публикация (Peretyatko, 2016а: 301-320). Однако остается неизученным вопрос о том, что подтолкнуло донского статистика на создание данной рукописи, насколько можно считать ее значимой и репрезентативной как для общественно-политической жизни донского края, так и для научного наследия самого Н.И. Краснова. На наш взгляд, именно «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» знаменовали

серьезный перелом в творчестве их автора, и изучение данного текста позволит нам как выявить некоторые особенности, характерные для работ Н.И. Краснова, но не отмеченные предыдущими исследователями, так и объяснить причины отказа донского статистика от написания полноценных книг после 1870 г. С другой стороны, данный текст представляет собой одну из самых ярких работ донских «прогрессистов», носящую агитационный характер: сам автор очевидно пытался с ее помощью убедить в своей правоте высокопоставленных чиновников Военного Министерства. Изучение этой рукописи позволяет глубже понять конфликт «прогрессистов» и «казакоманов» на Дону в 1860 гг., и даже открыть его прежде неизвестные эпизоды.

2. Материалы и методы

Важнейшим источником для нашего исследования будет сам текст «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» Н.И. Краснова. Его полная версия хранится в РГВИА, составляя с сопроводительными документами целое дело (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290). В отечественной историографии уже предпринимались попытки анализа рукописи Н.И. Краснова, и ее важнейшие положения освещены в нескольких работах. В 2007 г. А.А. Волвенко опубликовал статью «Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60–70 гг. XIX века», в которой достаточно кратко характеризовалось высказанное Н.И. Красновым в интересующем нас труде мнение об экономической неэффективности донского казачества (Волвенко, 2007: 47–56). В 2016 г. мы, в рамках цикла статей о австрийской Военной Границе, пытались выявить особенности образа граничар, созданного Н.И. Красновым в данном тексте (Peretyatko, 2016c: 79–99). Таким образом, основные идеи, легшие в основу «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», уже известны, а по мере публикации полного текста данной работы в научный оборот будут вовлечены и содержащиеся в ней статистические сведения.

Благодаря появлению этих статей неизданная рукопись Н.И. Краснова оказалась значительно шире освещена в современной историографии, чем его публикации в периодической и непериодической печати. Как мы писали во введении, до настоящего времени специально не изучалась даже важнейшая книга донского статистика, «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского». Не существует и полноценных исследований, посвященных творчеству Н.И. Краснова в целом. Единственную попытку создать подобное исследование предпринял В.Н. Королев в своей биографии донского статистика (Королев, 1991: 234–244), однако результат вышел не вполне удовлетворительным: в частности, современный историк даже не пытался раскрыть эволюции взглядов Н.И. Краснова и их связи с идеями других авторов, возможно, из-за ограниченного объема своей работы. Поэтому для нас важнейшим источником станут другие тексты самого казачьего генерала, в первую очередь создававшиеся в 1860 гг., непосредственно перед «Соображениями о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» (Краснов, 1863). При оценке влияния на Н.И. Краснова общественно-политической жизни Дона 1860 гг. мы сможем опереться на работы А.А. Волвенко и Р.Г. Тикиджьяна, достаточно подробно описавших характерную для этого времени дискуссию «казакоманов» и «прогрессистов» (Тикиджьян, 1996: 31–36; Volvenko, 2015b: 19–37; Volvenko, 2015c: 94–107; Volvenko, 2015d: 194–207).

На основании этих источников, используя историко-сравнительный метод, мы попытаемся реконструировать те причины, которые побудили Н.И. Краснова создать свою рукопись. При помощи историко-биографического метода мы выявим тех людей, которые в интересующий нас период оказывали влияние на творчество донского статистика. Наконец, применение историко-описательного метода позволит нам понять особенности процесса работы Н.И. Краснова по созданию своей рукописи. Совокупность этих методов позволит

нам реконструировать контекст, из-за которого в казачьей среде был создан документ, призывающий, с оговорками, к постепенной ликвидации казачества как сословия.

3. Обсуждение и результаты

«Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» были заказаны Н.И. Краснову его начальством в 1865 г. (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1). Заказные работы в принципе были очень характерны для казачьего автора: в частности, обе его книги были специально написаны для серий, издававшихся генеральным штабом (Королев, 1991: 236-237). Военное министерство использовало Н.И. Краснова не как боевого генерала (последний боевой эпизод с его участием имел место в 1864 г., при подавлении Польского восстания (Королев, 1991: 235), но как военного статистика, и большую часть своей карьеры служил в Главном управлении иррегулярных войск, позже переименованном в Главное управление казачьих войск.

Мы обратились к «Спискам генералов по старшинству», чтобы проследить за деятельностью донского статистика по военному ведомству, учитывая неточность опубликованных работ. В очередной раз оказалось, что даже В.Н. Королев, сообщивший самую полную и точную информацию, допустил некоторые ошибки (Королев, 1991: 235). Он не знал того факта, что Н.И. Краснов после зачисления в центральный аппарат Военного Министерства был направлен в главное управление генерального штаба, где и служил в 1863-1864 гг., и даже занимал должность младшего помощника начальника отделения. В Главном управлении иррегулярных войск, вопреки утверждению В.Н. Королева, подобной должности донской генерал уже не занимал: в 1864-1867 г. Н.И. Краснов исполнял должность офицера для особых поручений при этом ведомстве, а затем донской статистик был переведен сразу на пост начальника Межевого и статистического отделения, на котором и находился в течение 1867-1882 гг. (Список, 1891: 445). При этом возможность влиять на характер статистических сведений, собираемых Главным управлением иррегулярных войск, Н.И. Краснов получил уже в 1865 г., когда начал работу над «Соображениями о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями». Поскольку имевшейся в этом управлении информации было недостаточно для получения ответа на вопрос о экономической эффективности казачьих войск, донской статистик получил от своего начальства задачу собрать и обработать все необходимые для этого данные, для чего ему были даны официальные направления в целый ряд инстанций (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1-19). Таким образом, в период 1865-1882 гг. Н.И. Краснов не просто имел доступ к статистическим сведениям по казачьим войскам (его он получил, когда начал подготовку своей первой книги, не позднее 1860 г. (Королев, 1991: 237), но и отвечал за систематизацию подобной информации для внутреннего пользования в Военном Министерстве и имел возможность влиять на ее характер. Интересно отметить, что во второй половине 1860 гг. донской статистик входил и в состав Областного войска Донского статистического комитета (Тарасова, 2001). В своих книгах он неоднократно критиковал деятельность данного органа, призывая местные власти уделять ему больше внимания, а от его членов требуя более серьезной проверки источников и проведения самостоятельных статистических исследований (Краснов, 1863: 6-7; Краснов, 1870: I-II). И в 1873 г. Областной статистический комитет при поддержке войсковых властей организовал первую на Дону обстоятельную перепись населения, с подготовкой специальных счетчиков и разработкой новых методов опросов (Область, 1879: I-III). Таким образом, в период пребывания Н.И. Краснова на посту начальника межевого и статистического отделения Главного управления иррегулярных войск донская статистика существенно шагнула вперед, перейдя от систематизации собранных чиновниками данных, часто неточных и даже сознательно искаженных, к полноценным статистическим переписям, хотя вопрос о том, насколько велика была его личная роль в этом процессе, остается открытым. В любом случае, Н.И. Краснов не только много лет участвовал в сборе центральной властью статистических сведений о казачьих войсках, но и тесно

контактировал с другими донскими статистиками, полученных от которых сведения были использованы в обеих его книгах (Краснов, 1863: 6-7; Краснов, 1870: I-II).

В творчестве Н.И. Краснова очевидно выделяются два периода, и, на наш взгляд, именно «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» ознаменовали начало перехода между ними. Первоначально статистик выступал в качестве исследователя донского казачества и донского региона, причем недостаток информации заставлял его лично собирать сведения по всем областям, от истории до метеорологии (Королев, 1991: 237). Именно этот массив данных оказался наиболее востребован позднейшими авторами, в том числе и потому, что Н.И. Краснов систематизировал его в своей основополагающей работе «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского». Однако после зачисления в Главное управление иррегулярных войск он уже не мог уделять такого внимания самостоятельному сбору сведений. В предисловии к своему следующему масштабному труду Н.И. Краснов с сожалением констатировал, что в ходе его написания сумел только четыре месяца пробыть на Дону, и был вынужден довериться официальной статистике и информации Новочеркасского статистического комитета (Краснов, 1870: I-II). В дальнейшем генерал уже не пытался писать самостоятельных книг, ограничившись публикациями в периодической прессе. (В 1886 г. отдельной брошюрой вышел его доклад «Донской казачий флот», но рассматривать эту двадцатистраничную работу как полноценную книгу сложно (Краснов, 1886)).

Зато в своем позднем творчестве Н.И. Краснов все чаще выходил за рамки донской тематики, и многие его труды были посвящены российскому казачеству в целом. Более того, В.Н. Королев упоминает такие статьи донского статистика, как «Военные действия сербской армии в 1877-1878 гг.» и «О военном употреблении телефона» (Королев, 1991: 239). Таким образом, позднее творчество Н.И. Краснова, потеряв в достоверности сообщаемых сведений, за счет этого обрело дополнительную широту охвата. При этом информация, сообщаемая донским статистиком, по-прежнему зачастую носила уникальный характер: хотя он и использовал чужие материалы, не всегда имея возможность проверить их, служебное положение давало ему доступ к интереснейшим и часто неопубликованным данным. Например, в цикле статей «Казачьи военные вопросы» Н.И. Краснов постоянно ссылался на опросы казачьих офицеров, проводившиеся для внутреннего использования Военным Министерством (Краснов, 1883а: 3-4; Краснов, 1883б: 3-4; Краснов, 1884а: 3-4; Краснов, 1884б: 3-4). Еще более оригинальна источниковая база его статьи «Немецкие военные писатели о казаках»: в ней он подробно анализирует германоязычную военную литературу 1870 гг. о казачестве, которая не привлекла внимания других отечественных исследователей и прочно забыта за рубежом (Краснов, 1877: 3-4).

Целый ряд черт позволяет отчитывать от «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» позднее творчество Н.И. Краснова. Донской статистик впервые в своей карьере начал исследование другого казачьего войска, сопредельных губерний и даже иностранных военных поселений. При этом на него работала, пускай и косвенно, вся бюрократическая машина Военного Министерства: необходимая информация казачьему автору представлялась из его различных управлений (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1-19). Больше не было необходимости заниматься сбором статистических сведений лично и использовать предоставленные материалы местных энтузиастов, как делал Н.И. Краснов при написании предыдущей книги (Краснов, 1863: 6-7).

С учетом научных интересов, служебного положения и личных связей Н.И. Краснова нет ничего удивительного, что для его работ характерны богатейший статистический материал и хорошее знание неочевидных и малоизвестных фактов, относящихся как к обычной жизни казаков, так и к системе управления казачьими войсками. Однако обратной стороной этих достоинств оказывалась крайняя субъективность: казачий генерал в своих работах выступал не как беспристрастный наблюдатель, но как непосредственный участник событий, стремящийся не установить истину, но обосновать свою точку зрения. Это в полной мере относится и к «Соображениям о том, выгодна ли для государства в финансовом

отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», что мы показали в комментариях к начавшейся публикации данного текста (Peretyatko, 2016a: 301-320). Безусловно, это даже увеличивает значение трудов Н.И. Краснова, позволяя использовать их как источник при изучении истории общественных движений на Дону. Однако по этой же причине читателю часто трудно правильно оценить утверждения донского статистика, понять, где он недоговаривает или даже частично искажает сообщаемую информацию. А.А. Волвенко обращал внимание на то, что В.Н. Королев допустил подобную ошибку по отношению к работам И.И. Краснова, оказавшим большое влияние на творчество его сына: историк, основные интересы которого не относились ко второй половине XIX в., некритично отнесся к полемическим статьям своего героя, в результате чего совершенно искаженно описал общественно-политическую ситуацию на Дону в 1860 гг. (Volvenko, 2015c: 99-100).

А основные идеи «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» теснейшим образом связаны с этой ситуацией. Мы уже высказывали мысль, что на рубеже 1850-1860 гг. центральными властями рассматривался вариант полной ликвидации казачества (Перетятко, 2014a: 91-92). Аналогичного мнения в своих последних статьях придерживается и Р.Г. Тикиджьян (Тикиджьян, 2016: 103). Даже официально озвученные предложения правительства о грядущих реформах носили, как пишет А.А. Волвенко, «революционный» характер, и предполагали при сохранении казачества как сословия его постепенную демилитаризацию (Волвенко, 2014a: 15).

Правительственные предложения встретили поддержку у части донской элиты, но натолкнулись на яростное сопротивление казачьего большинства. По Новочеркаску ходили слухи о «ожидаемом нарушении казачьих привилегий» (Карасев, 1900: 170-171). Подробно полемика донских общественных деятелей описана в цикле статей А.А. Волвенко (Volvenko, 2015b: 19-37; Volvenko, 2015c: 94-107; Volvenko, 2015d: 194-207). Им же было четко датировано и завершение этой полемики в местной прессе, случившееся в 1863 г., когда имперские власти, с одной стороны, при помощи цензуры прекратили печатную дискуссию вокруг грядущих реформ, а, с другой, гарантировали исторические привилегии Донского войска новой высочайшей грамотой (Volvenko, 2015d: 200-203). Трудно переоценить авторитет подобного документа в правовом поле Российской империи: когда в следующем десятилетии МВД попыталось отторгнуть Миусский округ от Области Войска Донского, важнейшим препятствием к этому стала неприкосновенность окружности казачьих владений, закреплённая как раз в высочайших грамотах (Peretyatko, 2016b: 448-454). Таким образом, после 1863 г. наиболее радикальные варианты реформы донского казачества, предусматривавшие утрату им важнейших привилегий, перестали быть актуальными.

Но подобное развитие событий, разумеется, не устраивало тех представителей местной элиты, которые делали ставку на грядущую демилитаризацию войска. Одним из лидеров этой группы общественных деятелей, которых традиционно именуют «партией прогрессистов», был как раз отец Н.И. Краснова, И.И. Краснов. В.Н. Королев связывал его деятельность в этом направлении исключительно с идейными соображениями, неприятием традиционной донской замкнутости и желанием максимально сблизить Дон и Россию (Королев, 1991: 228-233). Однако А.А. Волвенко показал, что подобная трактовка является сильно упрощенной. На стороне «партии прогрессистов» выступало все семейство Красновых: И.И. Краснов, его сыновья Н.И. Краснов и М.И. Краснов, а так же тесть последнего, А.М. Мелихов. Статьи последних двух авторов очевидно были направлены в защиту интересов крупных донских помещиков, на что неоднократно указывали их противники (Volvenko, 2015c: 99-104). В этих условиях представляется более разумным говорить о сочетании идейных и вполне приземленных факторов: Красновы много выиграли бы от распространения на земли донских офицеров частной собственности (традиционно они выступали только пользователями своих участков) и от возможности сдавать эти земли в аренду иногородним.

Важнейшим вопросом, поднятым в ходе дискуссии «прогрессистов» и их противников, «казакоманов», был как раз вопрос об экономической целесообразности существования казачества. «Казакоманы» обращали внимание на то, что хозяйства Земли Войска Донского

богаче, чем в «бедных русских селениях» (Х.П., 1863: 2-3), а донские части «ничего не требуют от казны» (Volvenko, 2015c: 101). Если бы эти тезисы были верны, то польза от сохранения традиционной системы организации казачества выходила бы даже двойкой: государственный бюджет выигрывал от сокращения расходов на армию, а донской край экономически развивался быстрее сопредельных местностей. Увы, лукавство озвучивавших их авторов было более чем очевидно: по официальным данным, ежегодные расходы на казачьи войска в начале 1860 г. составляли 9 500 000 рублей (Милютин, 1999: 262). «Прогрессисты» приложили немало усилий к опровержению и второго тезиса своих идейных противников. А.А. Волвенко подробно разбирает статьи М.И. Краснова и А.М. Мелихова, в которых доказывалось, что «нынешнее состояние хозяйств на Дону неудовлетворительно» (Volvenko, 2015c: 99-104). В чем-то повторял, а в чем-то дополнял их Н.И. Краснов. Ему удалось вставить абзац о недостаточной разработанности «даров природы» донского края даже в свою книгу, вышедшую в серии, издаваемой генеральным штабом, и носящую, таким образом, полуофициальный характер. Донской статистик приводил две причины экономической отсталости региона, недостаток рабочих рук и отсутствие капиталов (Краснов, 1863: 231).

Итак, вопрос об экономической целесообразности существования казачьих войск интересовал Н.И. Краснова задолго до начала работы над «Соображениями о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями». Более того, он достаточно четко выразил свою позицию по этому поводу в предыдущей книге, о чем не могли не знать в управлении иррегулярных войск. Почему же исследование данной темы было поручено явно ангажированному человеку? В этой связи нам бы хотелось обратить особое внимание на фигуру А.П. Чеботарева, который в середине 1860 г. занимал должность помощника начальника данного управления. А.П. Чеботарев был другом И.И. Краснова, а в дальнейшем сблизился и с его сыном. О степени этой близости можно судить уже потому, что после смерти помощника начальника управления иррегулярных войск вдова передала его записки именно донскому статистику, который и выступил их публикатором (Воспоминания, 1884: 322-335). По оценке официозного «Столетия военного министерства», А.П. Чеботарев был поборником казачьих привилегий, и отстаивал интересы Донского войска во время реформ 1860 г. (Столетие, 1902: 798). Однако в свете последних изысканий А.А. Волвенко данное утверждение выглядит не соответствующим действительности. А.П. Чеботарев выступал за введение частной собственности на землю на территории Земли Войска Донского и принимал участие в подготовке статей, в которых предлагалось отказаться от поголовности казачьей службы. Таким образом, помощник начальника управления иррегулярных войск идейно примыкал к «прогрессистам», готовым пожертвовать некоторыми, если не всеми привилегиями донского казачества, чтобы получить взамен права других сословий. А.А. Волвенко не сумел точно определить роль А.П. Чеботарева в попытках радикальных реформ начала 1860 г., но убедительно показал, что для донской общественности попытки преобразований были связаны именно с его именем. В 1863 г. это даже привело к редчайшей в истории Донского войска ситуации: кандидатура А.П. Чеботарева была предложена для занятия вакансии начальника штаба этого войска и одобрена императором, но войсковой атаман П.Х. Граббе вынудил Военное Министерство пересмотреть решение, ссылаясь на крайнюю непопулярность помощника начальника управления иррегулярных войск в казачьей среде (Volvenko, 2015a: 111). Отметим, что таков был удел многих «прогрессистов»: И.И. Краснов, в прежние десятилетия пользовавшийся большим уважением и даже любовью на Дону, в 1860 г. из-за своей позиции рассорился со многими друзьями и утратил прежнее общественное положение (Королев, 1991: 231).

Как мы видим, представители «прогрессистов» пользовались поддержкой на самом высоком уровне: идейно близкий к ним А.П. Чеботарев фактически представлял Донское войско в Военном Министерстве и в ключевом 1863 г. должен был занять должность начальника его штаба. В этом нет ничего удивительного: еще В.Н. Королев обращал внимание на то, что среди «казакоманов» преобладали мелкие дворяне, а вот основу «партии прогрессистов» составляли крупные помещики, люди с хорошими связями (Королев, 1991: 228-229). После 1863 г., когда печатная полемика вокруг будущего Донского

войска в основном прекратилась, служебное положение давало им определенные политические возможности. А лишённые права выражать свои взгляды на страницах местной прессы прогрессисты еще не сдались: в частности, И.И. Краснов продолжал публиковать полемические заметки в столичных изданиях (Volvenko, 2015d: 196).

В своей монографии «Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в.» мы показали, что представления Военного Министерства о донском казачестве далеко не всегда соответствовали действительности (Перетяцько, 2014а: 102). Лично Д.А. Милютин признавал, что когда в 1871 г. он посетил Область Войска Донского, реальные наблюдения по некоторым вопросам сильно разошлись с его прежними представлениями о донских казаках (Volvenko, 2016: 406). В таких условиях резко возрастало значение людей, обеспечивающих Военное Министерство информацией. Путем недоговорки и искажения фактов они, теоретически, могли влиять на вектор предстоящих реформ и исподволь продвигать свою политику.

«Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», на наш взгляд, следует рассматривать именно в этом контексте. Они представляли собой последнюю известную нам попытку высокопоставленных «прогрессистов» переиграть события начала 1860 гг., убедить правительство в необходимости самых радикальных реформ, предоставив под видом нейтрального исследования работу сочувствующего им автора, в которой Н.И. Краснов дошел призыва ликвидировать казачьи войска, как только представится подобная возможность (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 123). Таким образом, рукопись донского статистика изначально представляла собой политически мотивированный текст.

Его создание началось в январе 1865 г., когда Н.И. Краснов получил от управления иррегулярных войск задание сопоставить траты на казачьи и регулярные части, исходя из данных по Оренбургскому войску (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1). Как мы показали выше, его непосредственное начальство (начальник управления Н.И. Карлгоф и его помощник А.П. Чеботарев) должно было понимать, что у донского статистика уже сложилось четкое мнение по данному поводу, и его работа будет заключаться в поиске дополнительных аргументов в поддержку этого мнения, а не в независимом исследовании. Но едва ли они предполагали масштаб деятельности, которая предстояла Н.И. Краснову. А.А. Волвенко датировал «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» 1865 г., и допустил серьезную ошибку (Волвенко, 2007: 47-56). Действительно, в описи РГВИА указан этот год, однако при внимательном знакомстве с текстом рукописи становится понятно, что это очевидная неточность. В заключительной части своего труда Н.И. Краснов отмечал, что руководствовался устаревшими данными за 1864 г., которые не подходят к «финансовым вычислениям на 1867 г.» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 157). Именно последнюю дату и следует считать годом завершения работы Н.И. Краснова над его произведением, длившейся, таким образом, около двух полных лет.

Это не покажется удивительным, если принять во внимание объем обработанной донским статистиком первичной информации. К своему тексту он добавил 8 приложений, занимающих больше 50 архивных листов (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 30-113). В них содержатся интересные факты о финансовой составляющей организации казачьих частей, о доходах в губерниях, сопредельных с Оренбургским войском и о Военной Границе в Австрийской империи. Понятно, что для анализа всех этих сведений требовалось немало времени, особенно с учетом того, что с Н.И. Краснова никто не снимал других обязанностей по службе. К сожалению, это не могло не сказаться на качестве работы: донской статистик допустил несколько ошибок в вычислениях, объяснимых только усталостью и невнимательностью (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 147). Любопытно, что эти ошибки в тексте не были исправлены. Судя по всему, продвинувшийся по карьерной лестнице военный чиновник уже не мог работать над рукописью с тем тщанием, с которым он создавал «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского». Соответственно, проведение характерного для последней работы анализа огромных объемов статистической информации, прежде не

обрабатывавшейся, а зачастую и собранной самим Н.И. Красновым, становилось проблематичным. «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» наглядно демонстрируют, насколько трудоемким был такой анализ: объем приложений, на которые опирался автор, оказался заметно больше размера окончательного текста. При этом значительную часть этих приложений составляли подробные и требующие кропотливой обработки цифровые таблицы, на основании которых Н.И. Краснов подсчитывал доходы и расходы по различным статьям как военного, так и гражданского ведомства, а затем сопоставлял их между собой (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 30-113). Поэтому нет ничего удивительного в том, что после написания интересующей нас рукописи донской статистик не пытался применять такой подход в крупных трудах, и в своей следующей книге, «Военном обозрении Земли Донского Войска», ограничился приведением готовых блоков информации, обработанных и систематизированных другими авторами (например, почти все данные по народонаселению в этом тексте восходят к организованной Новочеркасским статистическим комитетом переписи 1867 г. (Краснов, 1870: 45-55), с минимальным использованием других источников, в то время как в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» Н.И. Краснов пользовался отчетами донских атаманов за несколько десятилетий, сопоставляя их и делая на этой основе собственные выводы (Краснов, 1863: 203-221). В «Соображениях о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» тенденция к анализу первичной информации для ее позднейшего обобщения, характерная для раннего творчества Н.И. Краснова, доведена до логического завершения: автор почти нигде не работал с готовыми цифрами, но в силу крайне специфичности задачи был вынужден вычислять на основании собственной методики соотношение финансовой эффективности казачьих и регулярных частей, потенциальные доходы с казачьих войск, обращенных в гражданское состояние и потенциальные расходы на новые регулярные части. Возможно, если бы работа над рукописью была бы доведена до логического конца, и ее направили в вышестоящие инстанции, отдельные ошибки, допущенные Н.И. Красновым в многочисленных вычислениях, были бы исправлены. Однако этого почему-то не произошло, и беловая рукопись донского статистика содержит, например, таблицу, где при вычислении общей численности Донского войска сложены не только солдаты и офицеры, но и год, к которому относились эти сведения (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 155).

История «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» включает несколько загадок и помимо этой. Почему в описи, сделанной еще в Военном Министерстве при передаче дела на вечное хранение, стоит очевидно неправильная дата? Почему Н.И. Краснов внес в свой текст, который должен был быть посвящен Оренбургскому войску, данные по Земле Войска Донского и австрийской Военной Границе? Нам не известно даже, по какой причине было начато изучение вопроса о экономической эффективности существования казачьих войск: в архивных документах указано только, что Н.И. Краснов проводил свое исследование «для Военного Министерства», однако конкретика на этот счет отсутствует. Не определены ни инстанция за пределами управления иррегулярных войск, которая выразила заинтересованность в получении данных о экономической целесообразности существования казачества, ни срок, в течении которого подобная информация должна была быть предоставлена (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1). Для сравнения, в 1875 г. аналогичные работы проводились по совершенно конкретному поводу, в связи с возражениями МВД против военной реформы казачества, и информация об этом даже вошла в «Столетие Военного Министерства» (Столетие, 1907: 119-120).

Малое количество сопроводительных документов в архивном деле, содержащем «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», не позволяет нам однозначно объяснить

все эти странности. Очевидно, что Н.И. Краснов создавал свой текст скорее как свободный писатель, чем как военный чиновник, вставляя в него все, что считал нужным, и далеко уклоняясь от первоначальной темы. Мы уже отмечали, что написанный им труд так и не вышел за пределы управления ирегулярных войск, и начальство, по-видимому, не оценило его (Peretyatko, 2016c: 92). Однако это не сказалось на карьере донского статистика: напротив, как раз в 1867 г. он был повышен в должности, став начальником статистического отделения (Список, 1891: 445).

Впрочем, в отечественной историографии предположения об инициаторе создания «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления ирегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» уже высказывались. А.А. Волвенко в одной из своих работ допустил, что поводом для начала изучения Военным Министерством вопроса о экономической целесообразности существования казачества стал доклад русского военного агента в Вене Ф.Ф. Торнау. По мнению историка, этот доклад, посвященный реформе Военной Границы, был подготовлен по особому поручению Военного Министерства, и через него «красной нитью» проходила мысль о сходстве казаков и граничар. Ф.Ф. Торнау, якобы, пришел в нем к выводу о экономической выгоде от замены граничарских полков линейными. А.А. Волвенко считает, что под впечатлением от рассуждений русского агента в Вене Военное Министерство поручило Н.И. Краснову сделать аналогичные вычисления для казачьих войск, и в дальнейшем уверенность высших военных чиновников в правильности избранного курса по развитию гражданственности в казачьей среде, хотя и без радикальных реформ, подкреплялась докладами Ф.Ф. Торнау и Н.И. Краснова, созданными до открытия в октябре 1865 г. Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений (Волвенко, 2014b: 382).

Но на самом деле доклад Ф.Ф. Торнау о граничарах являлся не самостоятельным документом, а выдержкой из какого-то более обширного отчета (вероятно, посвященного общему состоянию австрийской армии) (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40). В его тексте не содержится прямых сопоставлений граничар и казаков, и нет оснований считать, что русскому агенту давалось какое-то особое задание на этот счет. Ф.Ф. Торнау, как следует из других его донесений и воспоминаний, просто считал своим долгом подробно информировать Военное Министерство о ситуации в австрийской армии (Торнау, 1897: 50-51), и регулярно описывал события, связанные с Военной Границей (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 47-48). Нет и доказательств того, что созданный им документ был направлен в управление ирегулярных войск, (другие его отчеты по данной тематике, как и материалы Б. Каталинича о граничарах (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77), туда не направлялись). Наконец, вывод о экономической целесообразности расформирования пограничных полков не принадлежит Ф.Ф. Торнау: он просто привел подробные расчеты как сторонников, так и противников такого мнения (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42-43). В целом, едва ли интерес управления ирегулярных войск к вопросу об экономической целесообразности существования казачества стоит увязывать с этим рутинным донесением из Вены. Скорее, Н.И. Краснов каким-то образом сам узнал о работе военного агента, и вставил ее в текст по своей инициативе.

Нам представляется куда более перспективной попытка А.А. Волвенко увязать «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления ирегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» с работой Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений. В январе 1865 г., когда Н.И. Краснов начал свою работу, данного органа еще не существовало. Созданные на местах проекты предстоящих реформ зачастую отражали позиции «казакоманов»: это относилось, в частности, к разработанному с участием «общественных депутатов» проекту нового положения о Донском войске (Тикиджьян, 1996: 31-36; Волвенко, 2014a: 17-18). Хотя данный проект был отвергнут, на начало 1865 г. дальнейшее развитие событий оставалось неопределенным, и «прогрессисты», занимавшие руководящие должности в управлении ирегулярных войск, были крайне заинтересованы в разработке документов, доказывающих необходимость предлагаемого ими курса радикальных реформ. Поэтому представляется вполне вероятным,

что инициатива в изучении вопроса о экономической целесообразности существования казачества принадлежала руководству управления иррегулярных войск или лично А.П. Чеботареву, преследовавшим как общие цели (корректировка курса Военного Министерства по отношению к казачьим войскам), так и цели более локальные (аппаратная борьба с «казакоманами» во Временном комитете по пересмотру казачьих законоположений). Возможно даже, что своеобразным «заказчиком» труда был сам Н.И. Краснов, воспользовавшийся служебным положением и дружбой с начальством, чтобы попытаться при помощи статистических данных склонить имперское правительство к возврату к прежней, более радикальной политике. А вот какими-либо доказательствами внимания к этому процессу инстанций Военного Министерства, лежащих за пределами управления иррегулярных войск, не говоря уже о других органах центрального правительства, мы не располагаем.

К 1867 г., когда Н.И. Краснов закончил свою работу, ситуация изменилась самым коренным образом. Хотя во Временном комитете по пересмотру казачьих законоположений оказались представлены как радикалы, так и консерваторы, им удалось прийти к определенному консенсусу (Волвенко, 2014b: 383). Сам Д.А. Милютин характеризовал их общую политику как «умеренную», и направленную на развитие в казачьих областях народного хозяйства, промышленности и торговли (Милютин, 2005: 403). Нетрудно заметить, что эта программа в чем-то была близка к позиции «прогрессистов», однако она теперь проводилась с учетом высочайшей грамоты 1863 г., гарантировавшей казачьи привилегии. Забегая вперед, отметим, что некоторые требования донских радикалов в итоге были выполнены: в частности, на территорию войска были допущены иногородние, а помещики получили вожделенную землю в частную собственность (Волвенко, 2014b: 385-389). В целом, борьба «казакоманов» с «прогрессистами» закончилась, как ни парадоксально, победой обеих партий: важнейшие привилегии Донского войска были сохранены, казачество осталось военным сословием, но при этом были реализованы основные нерадикальные меры, направленные на развитие донской экономики, которые предлагались сторонниками реформ.

Достигнутый консенсус складывался из определенной гибкости членов Временного комитета: даже близкий к семейству Красновых А.П. Чеботарев в некоторых случаях выступал на стороне консерваторов, пытаясь заблокировать наименее популярные среди казаков преобразования (Volvenko, 2015a: 111-112). Привлечение общественного внимания к докладу Н.И. Краснова могло нарушить этот только-только достигнутый компромисс, снова обострить отношения между сторонниками противоположных партий. Изменения в ситуации понимал и сам Н.И. Краснов, отмечавший в своем тексте, что немедленная ликвидация казачьих войск невозможна «из видов политических и военных». Однако он настаивал: правительство должно помнить о экономической неэффективности казачества, и принять меры для его демилитаризации при первой же возможности (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 123). А.А. Волвенко полагал, что подобные идеи в условиях курса Военного Министерства на развитие гражданственности могли быть крайне востребованы (Волвенко, 2007: 47-56). Нам это представляется сомнительным, причем не только потому, что продвижение данной позиции управлением иррегулярных войск могло бы снова дестабилизировать ситуацию на Дону. Сама работа Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений была бы крайне затруднена, если бы был принят тезис о том, что он должен разрабатывать законы и проектировать реформы для войск, которые могут быть ликвидированы в любой момент. Любое долгосрочное планирование стало бы невозможным, а дорогостоящие преобразования превратились бы в пустую трату средств. Поэтому, независимо от того, кто выступал заказчиком «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», нет ничего удивительного, что подготовленный Н.И. Красновым документ так не был отправлен в высшие инстанции, и даже не прошел серьезного внешнего редактирования. Вероятно, после того, как во Временном комитете возобладала умеренная тенденция, высокопоставленные «прогрессисты» из управления иррегулярных войск вообще потеряли интерес к работе Н.И. Краснова, и будущий генерал получил полную

свободу в ее продолжении, что и позволило ему разрабатывать темы, не связанные с первоначальным заданием.

Зато Н.И. Краснов продемонстрировал недюжинные способности к сбору информации и ее анализу. О ценности собранного им разнопланового первичного материала мы писали выше. Что касается рассуждений донского статистика, то они, несмотря на субъективный характер, как минимум заслуживают внимания. «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», хотя и не повлияли на дальнейшую политику Военного Министерства, являются ценнейшим источником по такой малоизученной теме, как финансовая составляющая казачьей службы в 1860 гг. В конце концов, именно в 1867 г. способности Н.И. Краснова как статистика получили, вероятно, наивысшую из возможных оценок: он был назначен ответственным за всю статистику Российской империи по казачьим войскам.

4. Заключение

Остается констатировать, что «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» являются репрезентативным для творчества Н.И. Краснова текстом. Хотя на первый взгляд идея о необходимости при первой же возможности начать демилитаризацию казачьих войск может показаться достаточно странной для представителя одного из самых уважаемых казачьих родов, в действительности схожих мыслей придерживалась вся семья донского статистика, составлявшая основу донской партии «прогрессистов». Положения, высказанные Н.И. Красновым в его рукописи, отстаивались автором и в предыдущих произведениях, в частности, в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского».

Стилистически неопубликованная работа будущего казачьего генерала так же не выбивается из остального его творчества. Как и в случае с обеими книгами донского статистика, исследование первоначально было заказано его вышестоящим начальством. Однако благодаря использованию огромного массива информации Н.И. Краснову удалось создать текст, имеющий далеко не только узко служебный интерес. Им использовались специфические и неочевидные при изучении вопроса о экономической эффективности казачества источники, в первую очередь сообщение Ф.Ф. Торнау о Военной Границе. Подобный подход так же был типичен для донского автора: для его трудов в принципе характерна опора на богатейший статистический материал, и в них и в некоторых других случаях использовались документы, первоначально создававшиеся для внутреннего использования в Военном Министерстве.

В то же время «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» знаменовали начало перехода к позднему творческому периоду Н.И. Краснова. Об этом свидетельствовало уже само изучение чужого для донского статистика казачьего войска: все его работы первой половины 1860 гг. посвящены исключительно Дону, а вот с 1870 гг. в наследии казачьего автора заметную часть составляют статьи на более общие темы. Кроме того, Н.И. Краснов не мог, как при написании «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского», лично проводить изыскания на местах и проверять, таким образом, точность официальной статистики: он был вынужден опираться на сведения, собранные другими людьми, что характерно для позднего этапа его творчества. С другой стороны, в своей рукописи офицер генерального штаба на основании первичной статистической информации пытался вычислить производные суммы потенциальных доходов и расходов с демилитаризованных казачьих земель. Мы не готовы утверждать, что вычисление производных было характерно только для раннего этапа творчества Н.И. Краснова. Однако его рукопись демонстрирует, насколько сложным, трудоемким и требующим внимания к мелочам порой оказывался данный процесс: будущий генерал использовал для него информацию из статистических таблиц, объем которых превышал основной текст его работы, и допустил несколько несущественных, но очевидных

ошибок. С учетом того, что он трудился над своей рукописью около двух лет, становится понятен отказ Н.И. Краснова от написания книг после 1870 г.: высокопоставленный чиновник имел все меньше времени и возможностей для подобных вычислений, из-за чего форма статьи и цикла статей оказывалась для него существенно более удобной. Кстати, вторая и последняя книга Н.И. Краснова, «Военное обозрение Земли Донского Войска», выпущенная в 1870 г., в основном основывалась на готовую информацию от официальных властей и Новочеркасского статистического комитета, не переработанную самим казачьим статистиком, что резко отличает ее от «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» и особенно «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями».

Наконец, рукопись Н.И. Краснова представляет интерес в контексте изучения истории противостояния донских «казакоманов» и «прогрессистов». Показателен уже сам факт того, что исследование вопроса о экономической целесообразности существования казачества было поручено не беспристрастному исследователю, а видному «прогрессисту», сыну идейного вдохновителя данного общественного движения. В этом можно усмотреть влияние А.П. Чеботарева, помощника начальника Главного управления иррегулярных войск, симпатизировавшего «прогрессистским» идеям и находящегося в личной дружбе с И.И. Красновым. Возможно, и сама инициатива создания данного текста исходила от него лично: нет никаких свидетельств, что вопрос о экономической целесообразности существования казачества интересовал кого-то за пределами Главного управления, в котором, как мы видим, «прогрессисты» имели влиятельного сторонника. В любом случае, в 1865 г., когда Н.И. Краснов начинал свой труд, позиция Военного Министерства в отношении казачества была не определена, а его центральный аппарат не был достаточно информирован о ситуации в казачьих войсках. В этих условиях созданный донским статистиком текст имеет смысл рассматривать как попытку пропаганды «прогрессистских» взглядов среди высших военных чиновников, только замаскированную под статистическое исследование. Симптоматична и неудача этой попытки: работа Н.И. Краснова над рукописью затянулась, и к моменту ее завершения дискуссия «прогрессистов» и «казакоманов» закончилась взаимным компромиссом. Общественное внимание к «Соображениям о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями», в которых обосновывались радикально-«прогрессистские» положения, могло нарушить этот относительно недавний компромисс. И поэтому интереснейший текст Н.И. Краснова был сразу после написания отправлен на вечное хранение в архив, где и пролежал в неизвестности до 2000 гг.

Литература

- Богданович, 1876** – Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. Т. III. СПб., 1876. 471 с.
- Военная энциклопедия, 1913** – Военная энциклопедия. Т. 13. СПб., 1913. 320 с.
- Волвенко, 2007** – Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60–70 гг. XIX века // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2007. С. 47-56.
- Волвенко, 2014а** – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20.
- Волвенко, 2014б** – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) Часть 2 // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3 (2). 2014. С. 382-391.
- Воспоминания, 1884** – Воспоминания донского казака // Военный сборник. 1884. № 2. С. 322-335.
- Глиноецкий, 1882** – Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб., 1882. 711 с.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.

- Зверев, 2013** – Зверев С.В. Генерал Краснов. Как стать генералом. Ростов-на-Дону, 2013. 224 с.
- Карасев, 1900** – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. Т. LXXX. С. 167-174.
- Королев, 1991** – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Краснов, 1863** – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1870** – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.
- Краснов, 1877** – Краснов Н.И. Немецкие военные писатели о казаках // Русский инвалид. 1877. № 73. С. 3-4.
- Краснов, 1883а** – Краснов Н.И. Казачьи военные вопросы // Русский инвалид. 1883. № 175. С. 3-4.
- Краснов, 1883б** – Краснов Н.И. Казачьи военные вопросы // Русский инвалид. 1883. № 184. С. 3-4.
- Краснов, 1884а** – Краснов Н.И. Казачьи военные вопросы // Русский инвалид. 1884. № 66. С. 3-4.
- Краснов, 1884б** – Краснов Н.И. Казачьи военные вопросы // Русский инвалид. 1884. № 72. С. 3-4.
- Краснов, 1886** – Краснов Н.И. Донской казачий флот. СПб., 1886. 20 с.
- Краснов, 1909** – Краснов П.Н. Ваграм. СПб., 1909. 251 с.
- Милютин, 1999** – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999. 559 с.
- Милютин, 2005** – Милютин Д.А. Воспоминания Д.А. Милютина. 1865-1867. М., 2005. 694 с.
- Новый энциклопедический словарь, 1915** – Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. СПб., 1915. 533 с.
- Область, 1879** – Область войска Донского по переписи 1873 года. Вып. 1. Новочеркасск, 1879. 248 с.
- Перетяцько, 2014а** – Перетяцько А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.
- Перетяцько, 2014б** – Перетяцько А.Ю. Оценка роли границы в истории донского казачества авторами 1860-1880 гг.: Н.И. Краснов, М.Н. Харузин, С.Ф. Номикосов // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 417-428.
- Попко, 1880** – Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск 1. Гребенское войско. СПб., 1880. 518 с.
- Русская литература, 2005** – Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги. Т. 2. М., 2005. 720 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Систематический указатель, 1891** – Систематический указатель Военного сборника за 1858-1890 гг. СПб., 1891. 304 с.
- Ситников, 2016** – Ситников А. Что нужно знать о атамане Петре Краснове. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian7.ru/post/chto-nuzhno-znat-ob-atamane-petrekrasnove/> (дата обращения: 18.01.2017).
- Смирнов, 2002** – Смирнов А.А. Казачьи атаманы. М., СПб.: 2002. 544 с.
- Список, 1891** – Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1891 г. СПб., 1891. 907 с.
- Столетие, 1902** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.1. СПб., 1902. 973 с.
- Столетие, 1907** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.3. СПб., 1907. 695 с.
- Тарасова, 2001** – Тарасова М. Периодические и повременные издания донского статистического комитета // Relga: научно-культурологический журнал. 2001. № 22.

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=523&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 18.01.2017).

Тикиджьян, 1996 – Тикиджьян Р.Г. Реформы 60-70-х гг. XIX в. в России и деятельность «Донского кодификационного комитета» // Проблемы казачьего возрождения. Ростов-на-Дону, 1996. Ч. 2. С. 31-36.

Тикиджьян, 2016 – Тикиджьян Р.Г. Военная организация и военная служба донских казаков в контексте российской модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: актуальные проблемы изучения // Юг России и сопредельные страны в войнах и военных конфликтах. Ростов-на-Дону, 2016. С. 101-109.

Торнау, 1897 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау // Исторический вестник. Т. LXVII. 1897. С. 50-82.

Х.П., 1863 – Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // Донские войсковые ведомости. 1863. № 20. С. 2-3.

Энциклопедический словарь, 1906 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. т. II. СПб., 1906. 491 с.

Peretyatko, 2016a – Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // Russkii Arkhiv. 2016. Vol. 14. Is. 4. Pp. 301-320.

Peretyatko, 2016b – Peretyatko A.Y. Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? // Bylye Gody. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 448-456.

Peretyatko, 2016c – Peretyatko A.Y. The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning of Demilitarization: Three Views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part I // Voennyi Sbornik. 2016. Vol.12. Is. 2. Pp. 79-99.

Volvenko, 2015a – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – “the Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 15. Is. 2. Pp. 106-114.

Volvenko, 2015b – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol.13. Is. 1. Pp. 19-37.

Volvenko, 2015c – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. 2015. Vol.14. Is. 2. Pp. 94-107.

Volvenko, 2015d – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. 2015. Vol.(15). Is. 3. Pp. 194-207.

Volvenko, 2016 – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // Bylye Gody. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398-411.

References

Bogdanovich, 1876 – Bogdanovich M.I. Vostochnaja vojna 1853-1856 godov [Eastern war of 1853-1856]. Vol. III. SPb., 1876. P. 471 [in Russian].

Voennaja jenciklopedija, 1913 – Voennaja jenciklopedija [Military encyclopedia]. Vol. 13. SPb., 1913. P. 320 [in Russian].

Volvenko, 2007 – Volvenko A.A. Dva podhoda k raschetam stoimosti donskogo kazachestva dlja Rossijskoj imperii v 60–70 gg. XIX veka [Two approaches to the calculation of the cost of the Don Cossacks to the Russian Empire in 60-70th of XIX century] // Actual problems of social history. Collection of scientific articles. Vol. 8. Novocherkassk; Rostov-on-Don: 2007. Pp. 47-56 [in Russian].

Volvenko, 2014a – Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of “great reforms” (1860-1870s)] // Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 16. Is.3. Pp. 12-20[in Russian].

Volvenko, 2014b – Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of “great reforms” (1860-1870s)]. Part 2 // Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 16. Is.3(2). Pp. 382-391[in Russian].

Vospominanija, 1884 – Vospominanija donskogo kazaka [Memories of Don Cossack] // Voennyi Sbornik. 1884. № 2. Pp. 322-335 [in Russian].

Glinoeckij, 1882 – Glinoeckij N. P. Istoricheskiy ocherk Nikolaevskoj akademii general'nogo shtaba [Historical description of the Nicholas Academy of the General staff]. SPb., 1882. P. 711 [in Russian].

Doney, 2003 – Doney XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599 [in Russian].

Zverev, 2013 – Zverev S.V. General Krasnov. Kak stat' generalom [General Krasnov. How to become a General]. Rostov-on-Don, 2013. P. 224 [in Russian].

Karasev, 1900 – Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862–1863 godah [Mutiny on the Don in 1862–1863 years] // Historical bulletin. 1900. Vol. LXXX. Pp. 167–174 [in Russian].

Korolev, 1991 – Korolev V.N. Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don, 1991. P. 464 [in Russian].

Krasnov, 1863 – Krasnov N.I. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb., 1863. P. 596 [in Russian].

Krasnov, 1870 – Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb., 1870. P. 290 [in Russian].

Krasnov, 1877 – Krasnov N.I. Nemeckie voennye pisateli o kazakah [German military writers about the Cossacks] // Russky Invalid. 1877. № 73. Pp. 3–4 [in Russian].

Krasnov, 1883a – Krasnov N.I. Kazach'i voennye voprosy [Cossack military issues] // Russky Invalid. 1883. № 175. Pp. 3–4 [in Russian].

Krasnov, 1883b – Krasnov N.I. Kazach'i voennye voprosy [Cossack military issues] // Russky Invalid. 1883. № 184. Pp. 3–4 [in Russian].

Krasnov, 1884a – Krasnov N.I. Kazach'i voennye voprosy [Cossack military issues] // Russky Invalid. 1884. № 66. Pp. 3–4 [in Russian].

Krasnov, 1884b – Krasnov N.I. Kazach'i voennye voprosy [Cossack military issues] // Russky Invalid. 1884. № 72. Pp. 3–4 [in Russian].

Krasnov, 1886 – Krasnov N.I. Donskoj kazachij flot [Don Cossack fleet]. SPb., 1886. P. 20 [in Russian].

Krasnov, 1909 – Krasnov P.N. Vagram [Wagram]. SPb., 1909. P. 251 [in Russian].

Miljutin, 1999 – Miljutin D.A. Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860–1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860–1862]. M., 1999. P. 559 [in Russian].

Miljutin, 1999 – Miljutin D.A. Vospominaniya D. A. Miljutina. 1860–1862 [Memoirs of D.A. Milyutin. 1860–1862]. M., 2005. P. 694 [in Russian].

Novyj jenciklopedicheskiy slovar', 1915 – Novyj jenciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona [New Encyclopedic Dictionary Brockhaus and Efron]. T. XXIII. SPb., 1915. P. 533 [in Russian].

Oblast', 1879 – Oblast' vojska Donskogo po perepisi 1873 goda [Don Host Oblast according the census of 1873]. Vol. 1. Novocherkassk, 1879. P. 248 [in Russian].

Peretyatko, 2014a – Peretyatko A.Y. Voennaja organizacija i voennoe upravlenie Oblasti Vojska Donskogo vo vtoroj polovine XIX veka [The military organization and military management of Don Host Oblast in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don, 2014. P. 236 [in Russian].

Peretyatko, 2014b – Peretyatko A.Y. Ocenka roli granicy v istorii donskogo kazachestva avtorami 1860–1880 gg.: N.I. Krasnov, M.N. Haruzin, S.F. Nomikosov [Assessing the role of the border in the history of the Don Cossacks by the authors 1860–1880 gg. : N.I. Krasnov, M.N. Haruzin, S.F. Nomikosov] // Borders and borderlands in the South Russian history: Materials of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, September 26–27, 2014). Rostov-on-Don, 2014. Pp. 417–428 [in Russian].

Popko, 1880 – Popko I.D. Terskie kazaki so starodavnih vremen. Istoricheskiy ocherk. Vypusk 1. Grebenskoe vojsko [Terek Cossacks from ancient times. Historical Review. Issue 1. Grebenskaya Cossacks]. SPb., 1880. P. 518 [in Russian].

Russkaja literature, 2005 – Russkaja literatura XX veka: prozaiki, poety, dramaturgi [Russian literature of the twentieth century: novelists, poets, playwrights]. Vol. 2. M., 2005. P. 720 [in Russian].

RGVIA – Russian state military and historical archive.

[Sistematičeskii ukazatel', 1891](#) – Sistematičeskii ukazatel' Voennogo sbornika za 1858-1890 gg. [Systematic index of the Voennyi Sbornik of 1858-1890]. SPb., 1891. P. 304 [in Russian].

[Sitnikov, 2016](#) – Sitnikov A. Chto nuzhno znat' o atamane Petre Krasnove [What you need to know about ataman Pyotr Krasnov]. [Electronic resource]. URL: <http://russian7.ru/post/chto-nuzhno-znat-ob-atamane-petre-krasnove/> (reference date: 18.01.2017) [in Russian].

[Smirnov, 2002](#) – Smirnov A.A. Kazach'i atamany [Cossack Atamans]. M., SPb.: 2002. P. 544 [in Russian].

[Spisok, 1891](#) – Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlenn po 1 sentjabrja 1891 g. [The list of generals in seniority. Compiled by September 1, 1891]. SPb., 1891. P. 907 [in Russian].

[Stoletie, 1902](#) – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.1. SPb., 1902. P. 973 [in Russian].

[Stoletie, 1907](#) – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.3. SPb., 1907. P. 695 [in Russian].

[Tarasova, 2001](#) – Tarasova M. Periodicheskie i povremennye izdanija donskogo statističeskogo komiteta [Periodic and periodical publications of Don Statistics Committee] // Relga: scientific and cultural magazine. 2001. № 22. [Electronic resource]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=523&level1=main&level2=articles> (reference date: 18.01.2017) [in Russian].

[Tikidzh'jan, 1996](#) – Tikidzh'jan R.G. Reformy 60-70-h gg.XIX v. v Rossii i dejatel'nost' «Donskogo kodifikacionnogo komiteta» [Reforms of 60-70 gg. of XIX century in Russia and the activities of "Don codification committee" // Problems of Cossack revival. Rostov-on-Don, 1996. Part 2. Pp. 31-36 [in Russian].

[Tikidzh'jan, 2016](#) – Tikidzh'jan R. G. Voennaja organizacija i voennaja sluzhba donskih kazakov v kontekste rossijskoj modernizacii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.: aktual'nye problemy izučeniija [Military organization and military service of the Don Cossacks in the context of russian modernization of the second half of XIX - early XX centuries] // The South of Russia and Neighboring Countries in Wars and Armed Conflicts. Rostov-on-Don, 2016. Pp. 101-109 [in Russian].

[Tornau, 1897](#) – Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau [Memoirs of baron F. F. Tornau] // Historical bulletin. 1897. Vol. LXVII. Pp. 50-82 [in Russian].

[H.P., 1863](#) – H.P. Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennyh sluhov [Thoughts about the Cossacks by Cossack about contemporary rumors] // Donskie vojskovye vedomosti. 1863. № 20. Pp. 2-3 [in Russian].

[Jenciklopedičeskij slovar', 1906](#) – Jenciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Extras. t. II. SPb., 1906. P. 491 [in Russian].

[Peretyatko, 2016a](#) – Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // Russkii Arkhiv. 2016. Vol. 14. Is. 4. Pp. 301-320 [in Russian].

[Peretyatko, 2016b](#) – Peretyatko A.Y. Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? // Bylye Gody. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 448-456 [in Russian].

[Peretyatko, 2016c](#) – Peretyatko A.Y. The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning of Demilitarization: Three Views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part I // Voennyi Sbornik. 2016. Vol.12. Is. 2. Pp. 79-99 [in Russian].

[Volvenko, 2015a](#) – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 15. Is. 2. Pp. 106-114 [in Russian].

[Volvenko, 2015b](#) – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol.13. Is. 1. Pp. 19-37 [in Russian].

[Volvenko, 2015c](#) – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. 2015. Vol.14. Is. 2. Pp. 94-107 [in Russian].

[Volvenko, 2015d](#) – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. 2015. Vol.(15). Is. 3. Pp. 194-207 [in Russian].

Volvenko, 2016 – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // Bylye Gody. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 398-411 [in Russian].

УДК 93/94

О значении «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» Н.И. Краснова в творчестве автора и общественно-политической жизни Дона 1860 гг.

Артем Юрьевич Перетяцько ^{а, *}

^а Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рукописи известного казачьего статистика Н.И. Краснова, в настоящее время опубликованной только частично и хранящейся в Российском государственном военно-историческом архиве. Автор анализирует историю ее создания и некоторые особенности данного текста. В статье показано, что «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» были последней попыткой высокопоставленных «прогрессистов» склонить Военное Министерство к демилитаризации казачества. Н.И. Краснов еще до написания данного текста считал казачьи войска экономически неэффективным институтом, и в своем исследовании отстаивал аналогичную точку зрения. Так же результатом исследования является вывод о том, что эта рукопись Н.И. Краснова ознаменовала начало позднего творческого периода автора, для которого были характерны разнообразие тематики и предпочтение малой формы.

Ключевые слова: Н.И. Краснов, Ф.Ф. Торнау, А.П. Чеботарев, «прогрессисты», «казакоманы».

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяцько)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



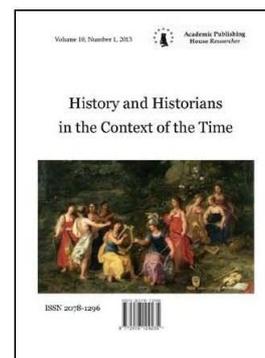
Published in the Slovak Republic
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

2017, 15(1): 23-29

DOI: 10.13187/hhct.2017.1.23

www.ejournal3.com

UDC 74.03

Genesis the Specifics of the Islamization the North Caucasus

A.M. Shamaev^{a, *}

^a North-Caucasian Institute of advanced qualifications (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, Russian Federation

Abstract

The problem of the Genesis and subsequent development of Islam in a particular ethnically complex region, which is the North Caucasus, still remains unexplored. In Russian historical science in the Caucasus are wonderfully tenacious and almost not remeasured standards developed in the Soviet era, according to which Islam penetrates to the Caucasus very late (almost in the century XVIII), and this procedure is a rather negative for the people's culture, rather than a positive direction. Therefore, the author departs from the existing dies and considers the problem from the standpoint of objectivity, consistency and historicism. The chronological scope of the article is conventional and is motivated by the fact that the initial penetration of Islam in the North Caucasus dates back to the VII century, when the Arabs invaded Dagestan, the upper limit of work consists of century XIX, when fully completed, the adoption of this religion mountain peoples and Islam in its various sects firmly established in the North Caucasus. The author comes to the conclusion that the process of Islamisation of the mountain peoples of the North Caucasus region was due to the prevailing political situation in the region and outside it; the Islamic faith in the North Caucasus had never had their own roots, and was brought in from outside, alien conquerors; the degree of illisionist the mountain peoples was different: in the Eastern parts of the Caucasus (Chechnya, Ingushetia, Dagestan) Islam deeply penetrated into the consciousness of the people, in their behavioral norms than in Western (Kabarda, Cherkessia, Adygea).

Keywords: North Caucasus mountain peoples, Islam, Genesis, ethnic picture, Arab migrants, the Turkish conquerors, the political situation.

1. Введение

В обстановке общемировых политико-экономических преобразований последних десятилетий все более усиливается роль Северокавказского региона в современной геополитической обстановке. Нынешняя этническая неоднородность Кавказа объясняется вторжением на его земли в различное время Римской империи, Персии, Ирана, Аравии, Византии и других государств, мечтающих установить своё владычество над богатым природными ресурсами крае. Однако невзирая на столь высокий уровень этнической пестроты региона, здесь присутствует еще один кардинальный нюанс – конфессиональный

* Corresponding author

E-mail addresses: Shomik788@mail.ru (A.M. Shamaev)

фактор, представленный двумя доминирующими религиями: христианством и исламом, которые играют огромную роль и в современной политико-экономической, социокультурной сферах жизни аборигенных народностей (Блейх, 2014: 3). Однако данная работа не преследует цель анализа религиозной составляющей в социокультурной жизни Кавказа. Это скорее исторический экскурс в прошлое, который позволит изучить процесс постепенной экспансии ислама в регионе, начатый еще XII столетии и поныне не потерявший свою актуальность.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали материалы, извлеченные из архивных фондов Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Краснодарского края, Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук; из документальных материалов Сборника Русского исторического общества, из работ известных российских ученых М.А. Абдуллаева, Д.Ю. Арапова, В.М. Аталикова, Н.О. Блейх, А.Р. Шихсаидова и др.

Методологическая база исследования была сформирована за счет историко-сравнительного, структурного, абстрактно-логического методов исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, *историко-сравнительный метод* позволил проанализировать сопоставимые факты и на этой основе выявить как закономерности, так и особенности принятия мусульманства различными народами Северокавказского края. *Метод структурного анализа* был необходим ввиду того, что изучать сложные структуры, не расчлняя их на отдельные составляющие элементы, невозможно. Поэтому он также широко использовался в работе. *Абстрактно-логический метод* дал возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме исследования в целом.

3. Обсуждение

Проблема генезиса и последующего становления ислама в Северокавказском крае до сих пор остается малоисследованной, хотя она всегда привлекала к себе интерес ученых и исследователей Кавказа. Но особо актуальной она становится со второй половины XX века. В разное время проблемы исламизации имели свою специфику анализа, что было связано с определенными идеологическими установками. Так, в Советский период основной упор делался на изучении доисламского наследия горских народов, на анализ проблематики раннего и средневекового магометанства, на процесс взаимоотношений Российской державы и Северного Кавказа (Н.А. Смирнов, В.Т. Гаджиев, А.В. Фадеев, Х.М. Хашаев и др.). В постсоветское время акцент ставился на политизации этого вероучения, ошибочно отождествляя его с радикализмом, терроризмом и экстремизмом (В. Авксентьев, А. Массэ, З. Ментешашвили и др.). Естественно, такая позиция приводила к исламофобии, бытующей и поныне. В современное нам время появляются научные и публицистические издания, объективно отражающие процессы исламизации, выявляющие позитивно-значимую роль этого явления для судеб горских народов. К ним относятся труды В. Бобровникова, А. Малашенко и др. (Блейх, 2015: 13). Тем не менее монографических работ явно недостаточно. Значительно чаще встречаются статьи относительно отдельных областей края: Адыгеи, Балкарии, Ингушетии, Карачая, Осетии, Чечни и т.д. Однако они из-за своего локального характера в полной мере не освещают проблемы исламизации горских этносов, поэтому мы взяли на себя смелость в некоторой степени восполнить существующие пробелы в кавказоведении и представить на суд читателя статью по проблемам становления ислама на всем Северном Кавказе.

4. Результаты

Исламское вероучение на Северном Кавказе никогда не имело собственных корней, а было привнесено извне, пришлыми завоевателями в лице арабов, турок, персов, которые насаждали его с помощью оружия. Экспансия магометанства на Северный Кавказ началась в 642 году, когда арабские завоеватели пришли на дагестанские земли. Исламизация коренного населения в это время обуславливалась не только военным вторжением арабов,

но и этиологией политико-экономического характера: Дагестан имел выгодное военно-стратегическое положение. В случае его завоевания арабы полностью искоренили бы участвовавшие вторжения с севера хазаров, беспокоивших их, страна которых к тому периоду представляла крупное политическое формирование. К тому же по землям Дагестана проходили важнейшие торговые дороги, связывающие государства Европы и Азии.

Однако арабская экспансия встретила упорное сопротивление со стороны аборигенного населения края. По дошедшим до нас хроникам граждане г. Дербент совместно с хазарами в 653 году дали отпор арабским завоевателям, полностью уничтожив их. На время арабская узурпация была прекращена (Шихсаидов, 1950: 15).

Однако сарацины не успокоились. Новый этап захватнических устремлений мавров начинается с XI столетия и продолжается целый век. Он связан с именами крупных арабских военачальников: Маслами и Джарраха (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 17).

Совместно с военными, в Дагестан хлынуло и арабское население, которое ассимилировалось с аборигенными жителями. Однако следует заметить, что арабские переселенцы еще долгое время сохраняли свой язык и обычаи. Эмиграция арабов на захваченных территориях Северного Кавказа служила далеко идущим целям. Они на занятых землях должны были гарантировать укрепление власти завоевателей и магометанства.

С течением времени в ислам обращается и местная знать, которая руководствуется скорее экономическими соображениями. За ней следует и туземное население. В итоге уже в XII столетии город Дербент, управляемый местной знатью, становится центром ислама и борцом за религию. Он носит название «врата Джихада». Погибшим в борьбе за веру присуждается почетное звание «шахид» (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 35. Л. 36).

Однако не одни арабы хозяйничали в этом субрегионе. С XII столетия здесь появляются турки. С их помощью усиливается распространение ислама. Как отмечает исследователь Бартольд, «победа турецкого элемента сопровождалась победой ислама и мусульманской культуры» (Избранные документы..., 2000: 49). В XIII веке Дагестан оккупируют монголы. Они полностью заселяют его территорию, параллельно неся с собой знамя пророка Мухаммеда.

Таким образом, благодаря иноземным захватчикам, с XIV столетия исламская религия становится не только доминирующей в Дагестане, но и трансформируется в знамя войны с «неверующими» соседними племенами.

Как видим, экспансии ислама в Дагестан понадобилось примерно VI столетий. Она проходила в два этапа: первый – VIII–X вв. связан с арабами, второй – X–XV вв. включительно, во время которого происходит основная исламизация Дагестанской области. Ислам становится официальной идеологией (Блейх, 2015: 13).

Политика иноземных завоевателей (арабов, турок, монголов) также способствует исламизации. Прекрасно понимая, что сила оружия в проповедничестве идей мусульманства ненадежный помощник, они начали действовать и популярными у аборигенных народов края социально-экономическими методами – с помощью освобождения от налогов принявших ислам и посредством миссионерской деятельности. Вскоре такие методы стали приносить свои плоды. Постепенно к этой религии приобщились народы Восточного Кавказа: табасараны, рутульцы, лезгины (VII–X вв.), лакцы и агулы (XI–XIII вв.), даргинцы, ногайцы (начало XIV в.), кумыки и аварцы (XIII–XV вв.), чеченцы (к началу XVI в.). Но если время принятия мусульманства вышеперечисленными народами не вызывает дискуссии, то единого мнения насчет даты принятия магометанства вайнахами, адыгами, балкарцами до сих пор не существует.

В отличие от Дагестана, в других областях Северокавказского края, в частности, в соседней Чечне и Ингушетии, популяризация магометанства начинается сравнительно поздно. Причинами этого, считает кавказовед Н.О. Блейх, «стало отсутствие арабской экспансии в эти районы, так как в северной стороне им путь преградили дагестанские народы и господство общинно-родового строя (как известно, ислам выступает гарантом идеологии классового общества)» (Блейх, 2015: 13).

Само население Ингушетии и Чечни считалось идолопоклонниками и только XVI столетия благодаря миссионерам, прибывающим из Дагестана, началось постепенное

распространение ислама. Этому мы нашли подтверждение в народных сказаниях, в которых встречаются примеры деятельности аварских и кумыкских пастухов (по совместимости мулл) по популяризации новой религии. К тому же дагестанские феодалы посредством ислама пытались завоевать местное население. Вскоре в самой Чечне появляются местные муллы, получившие религиозное образование в Дагестане (Блейх, 2014: 03-06).

В конце XVIII столетия принятию новой веры радикально способствовал проповедник шейх Мансур. При нем значительно укоренились постулаты шариатского законодательства и магометанского вероисповедования.

По поводу окончательного принятия ислама вайнахами ученые разделились. Одни считают, началом VII век, другие эту дату мыслят веком XVI. Ознакомившись с архивными материалами, мы же склонны считать, что временем распространения ислама следует считать вторую половину XVI столетия, когда под знамена пророка Мухаммеда стали переходить целыми тейпами. А окончательным периодом воцарения здесь мусульманства стала вторая половина XIX века под влиянием суннитской идеологии, исповедующей имамом Кунта-хаджи Кишиевым.

В Кабарду ислам попадает только в XVI столетии, а интенсивно распространяться начинает лишь в веке XVIII с началом Кавказской войны и в связи с религиозным реформированием владетеля Адиль-Гирея Атажукина и эфендия Искака Абукова. В результате чего происходит повсеместное введение шариата. Предместник Дельпоццо доносил Александру I в 1808 г.: «Эфендий Исхак более всего старался набожностью под видом отличной добродетели привлечь к себе народ. И так искусно достиг желаемой цели, что в короткое время успел всю кабардинскую нацию усовершенствовать в магометанском законе. Ныне многие уздени, которые почти 40 лет имеют от роду, учатся татарской грамоте, чтобы разуместь алкуран. Он до того довел, что все переменяли обычай в одеянии: вместо прежних коротких черкесок начали носить длинные. На шапки надели чалмы, отпустили бороду, перестали пить горячее вино, курить и нюхать табак и ничего не есть из скота, не убитого руками мусульманина... Ежели кабардинцы против нас столь непримиримые враги, все зависит от внушения им эфендием» (ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 24. Л. 114).

На территорию современной Карачаево–Черкесии ислам проник в XV столетии в виде суннитской идеологии. Однако его реальная экспансия смогла произойти только в XVII веке. Этому способствовал временный разрыв русско-черкесских дружеских отношений и усиление в том районе Турецко-Крымского ханства. Последнее активно стало внедрять ислам в среду турко-язычных карачаевцев, потомков кочевых народов – древних половцев.

В 20-х гг. XIX в. шариатское движение охватило и районы Западной Черкесии – Бжедугию, Кемиргой, Абадзехию, Шапсугию, Натухай и т.д. Основывались институты духовных судей-кадиев, приносились клятвы руководствоваться во всех делах нормами шариата, оставив древнее обычное право. Большое значение в распространении ислама имела его эгалитарность. Шариат не знал социального неравенства и всех верующих в сунну пророка Мухаммеда, считал людьми свободного состояния, которых нельзя поработать. Введение шариатских норм общественной жизни разрушало привилегии князей и дворян, что было особенно характерно для Западной Черкесии (Главани, 1978: 161).

К тому же весьма способствовала распространению ислама не только проповедническая деятельность мусульманских миссионеров, но и появление в XIX столетии мечетей и местного духовенства. В это же время создавались и шариатские суды (мехкеме) во главе с кади, появилась система социальной защиты и исламского образования.

Исламизация адыгских народов продвигалась крайне медленно. Причиной этому служило то, что мусульманское духовенство у них долгое время было не в почете из-за насаждения чуждой им культуры, привнесенной извне и не похожей на горские обычаи (Арапов, 2006: 44). Поэтому адыги так и не стали ортодоксальными мусульманами и ислам укоренился у них только к началу XIX столетия. Из Кабарды суннизм распространился на балкарские народы.

Что касается исламизации балкарцев, то здесь большинство авторов ссылается на временной диапазон XVII–XVIII веков, другие апеллируют к более раннему времени принятия этой моноистической религии – от XV до IX столетий. Так, например, этнограф Н.Г. Волкова отмечает: «Исламизация социальной верхушки балкарцев началась еще до

XVII в., со второй половины XVIII в. в Балкарии появляются исламские проповедники в основном из Дагестана. Источники свидетельствуют, что еще в XIX в. верования балкарцев представляли собой сложный синтез христианства, ислама и дохристианских традиций» (Шихсаидов, 1950: 13).

В Адыгее процесс исламизации начинается с XV века и заканчивается веком XVIII. Что было связано с усилением в эту пору Крымского ханства и Османской империи на Северо-Западном Кавказе. Уже в XVIII столетии благодаря содействию турок в Адыгее возникает центр популяризации ислама – город Анапа. Ислам, однако, также не успел пустить в Адыгее глубоких корней: не возникло суфийских братств, фактически не соблюдался шариат. Причиной этому служили пережитки языческих верований и моральный кодекс адыгов – хабзэ (система горского этикета и моральных норм) (Арапов, 2006: 56).

Еще тяжелее исламизация протекала у осетин. Не смотря на то, что эта идеология проникла в Осетию в VII столетии, к тому же во второй половине XIV века обратив в ислам племена алан (предков современных осетин) пытался хан Тимур (1336-1405), она здесь не стала доминирующей. Не смотря на то, что распространению магометанства способствовала близость исламизированных регионов Кабарды, Чечни и Дагестана, большая часть осетин осталась верна христианству. Из трех больших осетинских общин одни лишь дигорцы признали ислам. Его принимали в основном богатые владельцы, а простому люду он оставался непонятен. В итоге по сей день в большинстве своём осетины являются хранителями языческих верований в совокупности с христианским вероисповеданием. К тому же следует отметить, что осетинские мусульмане отказывались принимать участие в национальном противостоянии северокавказских горцев, происходившем в XVIII-XIX веках (Избранные документы..., 2000: 111).

Что касается идеологических установок магометанства, то на Северном Кавказе доминирующее положение заняло суннитское направление с двумя мазхабами: ханифизмом и шафиизмом, которые по аналогии с двумя другими – ханбализмом и маликизмом в мусульманском мире считаются более либеральными

Шафиитскому толку следуют чеченцы, ингуши и дагестанцы, ханифизм исповедуют кумыки, ногайцы, черкесы, кабардинцы. Но помимо суннитского толка, на Северо-Восточном Кавказе исповедуют суфизм, представленный накшбандийским (с XVIII в.), кадирийским (с XIX в.), шазилийским (с XX в.) тарикатами (учениями). На Западном Кавказе суфизм не исповедуют, чем некоторые ученые и объясняют общую релятивную слабость исламского вероучения в данном субрегионе (Абдуллаев, 2000: 69).

В связи с этим следует отметить, что градус исламизированности у горских народов различен: он неизменно уменьшается с востока на запад, в связи с чем самыми ортодоксальными считаются вайнахи и дагестанцы, менее – адыгейцы, кабардинцы, черкесы. Таким образом, в восточных районах Кавказа магометанство глубже проникло в сознание людей, в их поведенческие нормативы.

В итоге к началу XIX столетия ислам в разных его течениях прочно обосновался на Северном Кавказе, а мусульманское духовенство, представленное имамами, ишанами, кадиями, муллами, муфтиями, муэдзинами, халифами и др., стало играть значительную роль в политическом и идеологическом управлении края.

5. Заключение

Исходя из невозможности установления точной даты принятия мусульманства большинством горских народов и неопределенности суждений по этому поводу, поскольку эта процедура была асинхронной, в кавказоведении до сих пор отсутствует всеми признанная хронология происхождения и последующего развития магометанства среди кавказских этносов. В своём окончательном варианте предполагается, что раньше всех ислам появился в Дагестане к концу XVI века, в Кабарде он утвердился к началу XVII столетия, национальным вероисповеданием балкарцев и карачаевцев ислам стал к середине XVIII миллениума. Позже всех эту религию приняли Чечня и Ингушетия в начале XIX столетия.

Процедура исламизации горских народов Северокавказского края была обусловлена складывающейся политической обстановкой как в самом регионе, так и вне его. Исламское вероучение на Северном Кавказе никогда не имело собственных корней, а было привнесено

извне, пришлыми завоевателями, но если исламизация Восточного Кавказа принадлежит арабам, то честь привнесения магометанства на Центральный и Западный Кавказ является целиком заслугой Османской империи.

Что касается идеологических установок магометанства, то на Северном Кавказе доминирующее положение заняло суннитское направление с двумя мазхабами: ханифизмом (чеченцы, ингуши, дагестанцы) и шафиизмом (кумыки, ногойцы, черкесы, адыги). Но помимо суннитского толка, на Северо-Восточном Кавказе исповедуют суфизм, представленный накшбандийским (с XVIII в.), кадирийским (с XIX в.), шазилийским (с XX в.) тарикатами (учениями).

Как видим, уже к началу XIX столетия ислам в разных его течениях прочно обосновался на Северном Кавказе, а мусульманское духовенство стало играть значительную роль в политическом и идеологическом управлении края.

Литература

[Абдуллаев, 2000](#) – *Абдуллаев М.А.* Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала, 2000. 320 с.

[Арапов, 2006](#) – *Арапов Д.Ю.* Императорская Россия и мусульманский мир. М.: Наталис. 2006. 342 с.

[Аталиков, 1996](#) – *Аталиков В.М.* Наша старина. Нальчик: Эль-фа, 1996. 217 с.

[Блейх, 2014](#) – *Блейх Н.О.* Общественно-политические изменения и просвещение на Северном Кавказе во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Вестник гуманитарного научного образования. 2014. № 6(44). С. 03-06.

[Блейх, 2015](#) – *Блейх Н.О.* Проблемы мусульманского образования сквозь призму истории // Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 2.

[Главани, 1978](#) – *Главани К.* Описание Черкесии. Нальчик: Эль-фа, 1978. 254 с.

[ГАКК](#) – Государственный архив Краснодарского края.

[Избранные документы..., 2000](#) – Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе // Сборник Русского исторического общества. № 2 (150). М.: Русская панорама, 2000. 521 с.

[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.

[РФ ИИАЭ ДНЦ РАН](#) – Рукописный фонд Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.

[Шихсаидов, 1950](#) – *Шихсаидов А.Р.* Распространение ислама в Южном Дагестане в X–XI вв. // УЗ ИИЯЛ. VI. Махачкала, 1950. 276 с.

References

[Abdullaev, 2000](#) – *Abdullaev M.A.* Sufizm i ego raznovidnosti na Severo-Vostochnom Kavkaze [Sufism and its varieties in the North-Eastern Caucasus]. Makhachkala, 2000. 320 s.

[Arapov, 2006](#) – *Arapov D.Yu.* Imperatorskaya Rossiya i musul'manskii mir [Imperial Russia and the Muslim world]. M.: Natalis. 2006. 342 s.

[Atalikov, 1996](#) – *Atalikov V.M.* Nasha starina [Our old friend]. Nal'chik: El'-fa, 1996. 217 s.

[Bleikh, 2014](#) – *Bleikh N.O.* Obshchestvenno-politicheskie izmeneniya i prosveshchenie na Severnom Kavkaze vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX vv. [Problems of Muslim education through the prism of history]. *Vestnik gumanitarnogo nauchnogo obrazovaniya*. 2014. № 6(44). S. 03-06.

[Bleikh, 2015](#) – *Bleikh N.O.* Problemy musul'manskogo obrazovaniya skvoz' prizmu istorii [Socio-political changes and education in the North Caucasus in second half XVIII – early XIX centuries]. *Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 2015. № 2.

[Glavani, 1978](#) – *Glavani K.* Opisanie Cherkesii [Description of Circassia]. Nal'chik: El'-fa, 1978. 254 s.

[ГАКК](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [State archive of Krasnodar Krai].

[Izbrannye dokumenty..., 2000](#) – Izbrannye dokumenty Kavkazskogo komiteta. Politika Rossii na Severnom Kavkaze [Selected documents of the Caucasian Committee. Russia's policy in the Northern Caucasus] // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. № 2 (150). М.: Russkaya panorama, 2000. 521 s.

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].

RF IIAE DNTs RAN – Rukopisnyi fond Institut istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk [The manuscript Fund of the Institute of history, archaeology and Ethnography of the Daghestan scientific center, Russian Academy of Sciences].

Shikhsaidov, 1950 – *Shikhsaidov A.R. Rasprostranenie islama v Yuzhnom Dagestane v X–XI vv.* [The Spread of Islam in southern Dagestan in the X–XI centuries]. *UZ IYYaL*. VI. Makhachkala, 1950. 276 s.

УДК 74.03

Генезисная специфика исламизации Северного Кавказа

А.М. Шамаев^{а, *}

^а Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского Университета МВД России, Российская Федерация

Аннотация. Проблема генезиса и последующего становления ислама в отдельно взятом этнически сложном регионе, каким является Северный Кавказ, до сих пор остается малоисследованной. В российской исторической науке и в самом кавказоведении удивительным образом являются живучими и практически не переоцениваются стандарты, выработанные еще в Советскую эпоху, согласно которым магометанство проникает на Кавказ очень поздно (чуть ли не в веке XVIII) и сама эта процедура являет собой скорее негативное для народной культуры, нежели позитивное направление. Поэтому в статье автор уходит от имеющихся штампов и рассматривает проблему с позиций объективности, системности и историзма. Хронологические рамки статьи условны и мотивированы тем, что начальное проникновение ислама на Северный Кавказ датируется веком VII, когда арабы вторглись в Дагестан, верхняя граница работы включает век XIX, когда полностью завершилось принятие этой религии горскими народами и ислам в разных его течениях прочно обосновался на Северном Кавказе. Автор приходит к выводам, что процедура исламизации горских народов Северокавказского края была обусловлена складывающейся политической обстановкой как в самом регионе, так и вне его; исламское вероучение на Северном Кавказе никогда не имело собственных корней, а было привнесено извне, пришлыми завоевателями; градус исламизированности у горских народов был различен: в восточных районах Кавказа (Чечня, Ингушетия, Дагестан) магометанство глубже проникло в сознание людей, в их поведенческие нормативы, чем в западных (Кабарда, Черкесия, Адыгея).

Ключевые слова: Северный Кавказ, горские народы, ислам, генезис, этническая картина, арабские мигранты, турецкие завоеватели, политическая обстановка.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: Shomik788@mail.ru (А.М. Шамаев)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



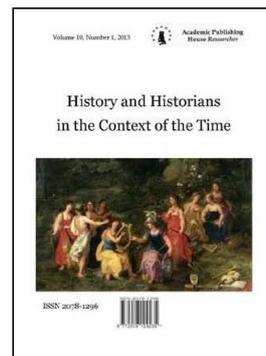
Published in the Slovak Republic
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

2017, 15(1): 30-36

DOI: 10.13187/hhct.2017.1.30

www.ejournal3.com

UDC 93/94

Problems of Development of Education of Muslims of Terek Region (second half of XIX – beginning of XX centuries)

Ruslan A. Khachidogov^{a,*}

^a North-Caucasian Institute for advanced qualification
(branch) of Krasnodar University of the Russian interior Ministry, Russian Federation

Abstract

Education is one of the priority directions of the state policy of Russia. This fact demonstrates the increasing attention to the development of the education system, including the Muslim, which has a long and distinctive history. Therefore, the study of the socio-cultural role of education among Muslims in a large region of the Russian Empire and its development through the prism of the past is an urgent and overdue. In article on the basis of newly introduced archival sources examines the state of Muslim education in the Terek region in the second half of XIX – early XX centuries. Proved that from the mid-nineteenth century saw the rapid growth of education among the Muslim peoples of the North Caucasus. The conclusions drawn are that in this period there was a quantitative and qualitative growth of educational institutions for Muslim children, however education needed significant adjustment due to the low number of educational institutions and lack of slender educational base.

Keywords: North Caucasus, Muslim education, the development of schools, Islam, Terek oblast, mountain peoples.

1. Введение

Вторая половина XIX века была ознаменована для России новыми изменениями, которые затронули все сферы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни губерний и уездов. Начало капиталистического развития после отмены крепостного права, завершение и успехи промышленного переворота, предъявляли новые требования к качеству и уровню образования (Дзидзоев, 1994: 6). Поэтому в поликонфессиональной Российской империи наблюдается открытие мусульманских сословных учебных заведений различных ступеней и увеличение количества обучающихся, как девушек, так и юношей. Затронули эти события и Северокавказский край, большинство населения которого составляли исповедующие ислам. Социокультурные изменения, произошедшие в духовной жизни горских этносов после присоединения к Российской империи, а также интерполяцию всего региона в орбиту капиталистических отношений предоставили возможность образования и мусульманским народностям, населяющим край.

* Corresponding author

E-mail addresses: Ruslan.khachidogov.88@mail.ru (R.A. Khachidogov)

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи сформировали *материалы, извлеченные из архивных фондов* АГИМ РФ (Архив государственного исторического музея), НАСОИГСИ (Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А), ЦГА РСО-А (Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания); из материалов кавказской периодической печати; *из исследований российских ученых.*

Методологическая база данной статьи включает в себя историко-сравнительный, структурный, абстрактно-логический приемы изучения, имеющие свою плоскость приложения и сыгравшие необходимую роль в обработке и подготовке данной публикации. Например, историко-сравнительный метод санкционировал проведение анализа сопоставимых результатов и на настоящей базе освещения ретроспекции мусульманского образования в Терской области; метод структурного анализа использовался для рассмотрения сложных структур; абстрактно-логический метод предоставил право стилизации и интегрирование заключения по представленной проблеме.

3. Обсуждение

Вышедшие в свет в последнее время исследования дают негативную оценку исламскому образованию, которое якобы не способствует гармоничному развитию молодежи. Поэтому сегодня как никогда очень важно знать историю развития исламского образования, изучить его положительные аспекты и мудро использовать для воспитания подрастающего поколения. Северокавказский регион в основном заселен народами, исповедующими ислам и для того, что бы в обществе не было месту ваххабизму, искажающим ислам, необходимо обратиться к историческому прошлому, которое хранит множество примеров мудрого воспитания молодой поросли. Образование и просвещение глубоко влияют на духовно-нравственный мир индивида, способствуют формированию убеждений и идеалов, расширяют горизонты адекватного восприятия различных цивилизаций и культур (Bleikh, 2015: 289-294). И в этом нам поможет историческая панорама развития образования XIX столетия у мусульман горских народов.

4. Результаты

Нужно отметить, что положительный импульс мусульманское образование получило с новым витком исторического развития, связанным с вовлечением Северокавказского региона в единую систему всероссийского рынка. Этому процессу присущи глобальные изменения в развитии производительных сил края и производстве промышленной продукции, специализации в тяжелой и пищевой промышленности, увеличением притока переселенцев и изменением социальной структуры российского общества. Становлению мусульманского образования также способствовал активный рост урбанизации. Это во многом обусловило стремление торгово-промышленного сословия дать детям образование, которое должно было соответствовать статусу верующего и его положению в обществе (Шамаев, 2011: 301).

Коренное население Терской области, в которую были включены территории современных Северной Осетии, Кабарды и Балкарии, Ингушетии, Чечни, Западного Дагестана, Пятигорска и района Минеральных вод в основном принадлежало к мусульманской конфессии и составляло в 1856 г. – 1170829 душ обоого пола, причем в 1857 г. – 1196497, 1859 г. – 1235223. Из них: чеченцев – 122068 (м) и 111907 (ж); кабардинцев 52547 (м) и 47869 (ж); ингушей 29171 (м) и 25617 (ж); кумыков – 17426 (м) и 15911 (ж) общим количеством магометан – 518410 человек (Терский календарь..., 1911). Если в начале второй половины XIX века в области проживало магометан – 510823 человек, то к концу его – уже 537098 душ (Терский календарь..., 1913). Как видно из статистических данных, количество душ мусульманского вероисповедания неуклонно возрастало, так же как и наблюдался общий прирост всего населения области. Вместе с тем, у мусульман рос интерес к получению образования, так необходимого в условиях капиталистической конкуренции. Это прекрасно понимало и само кавказское руководство. Так, честь открытия в крепости Грозный школы начального порядка (22 июля 1861 года) принадлежит начальнику Чеченского округа генерал-майору А. Тусханову. Как явствует из его переписки с помощником командующего

войсками Терской области Свиты Его величества генерал-майора и кавалера князя Святополк-Мирского, «подыскивается помещение на 65 воспитанников». А. Тусшанов предлагал вначале найти казарменное помещение и приспособить его под школу. По его примерным расчетам содержание такой школы обошлось бы казне в 3000 рублей, что не совсем было бы удобным, поэтому начальник Чеченского округа предложил собрать средства по подписным листам, которые бы дали 400 рублей серебром (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 3-30б.).

В грозненском пансионе за счет казны содержались 40 воспитанников, в том числе 25 детей почетных чеченцев и кумыков и 15 детей русских чиновников. Поскольку учащиеся принадлежали к разным конфессиям, у руководства школы первоначально возник вопрос о содержании учащихся, так как не было разъяснено следует ли кандидатов из зачисленных в список общих или смешанный или отдельно мусульман от русских и допускается ли прием кандидатов мусульман на вакансии русских и обратно или нет. По параграфу 31-му определялся возраст школьников. Принимать с 13 лет в подготовительные классы и с 14 – в первые или подготовительные классы. Учителем Закона Божьего в грозненскую начальную школу в 1861 г. был назначен священник Яковлев. В ноябре 1863 г. учителем мусульманских законов – мулла Янгулбай Хасанов. Учителя содержались за счет учебного заведения, т.е. с полным содержанием.

Для школы была заказана мебель, письменные принадлежности и предметы повседневного быта: столы, стулья, кровати, а также диваны, ушаты, шкафы, письменные столы, лампы, зеркала, чернильные приборы, счеты. Все это обошлось заведению в 234 рубля (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 60 об.).

Для Грозненской школы из запасного капитала командующий Кавказской Армии приказал выделить 159 руб. 70 коп. для приобретения хозяйственных принадлежностей (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 66).

Но одной этой школы было явно недостаточно. Отдать детей в обучение желали многие военные чины и гражданское местное население. Поэтому в другом своем письме, обращенном к начальнику Терской области от 23 мая 1863 г. № 1585, А.Тусшанов обосновывает своё рвение тем, что «от развития грамотности и образования в туземцах, на прочных нравственных началах, мы ожидаем развития гражданственности, а от них пользы общественной. Зародыши этой гражданственности должны вырасти в туземных школах и выбор учителей для них следует сделать с крайней осмотрительностью, нисколько не стесняясь расходом по сему» (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 190б.).

По мнению Начальника ЧО необходимо было расширить штат преподавателей и назначить помощников законодателю мусульманского закона, для обучения детей арабской и чеченской грамоте с содержанием 200 рублей.

В ноябре 1864 г. уже сам начальник Терской области в письме к Директору училищ Терской области напишет: «Обращая особое внимание на развивающееся в течение последних полутора лет стремление всего туземного населения области к определению детей своих в учебные учреждения, я убедился, что местные школы в настоящее время далеко уже не соответствуют действительной в них потребности, и что, кроме того, весьма многие общества по значительному удалению от пунктов, где устроены школы, лишены вообще возможности давать детям хотя бы первоначальное образование. В последнее время потребность устройства новых школ в центрах главнейших туземных обществ так сильно чувствуется населением, что оно готово само участвовать в необходимых для этого издержках, как по возведению помещений, так и по постоянному содержанию школ» (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 28. Л. 1).

Автор письма ходатайствовал об открытии школ в населенных пунктах Назрани, Шатой, Хасав-Юрте, Ведено и решить вопросы о размерах земельного участка необходимого под школу; средств для устройства и содержания школы, а так же размеров обучения. Из наиболее важных были определены дисциплины: русский чтение и письмо, законы православия, Закон божий мусульманский (ЦГА РСО-А. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об.).

Из справки о состоянии сумм, поступивших на устройство Хасав-Юртовской и Веденской горских школ, можно предположить из каких источников складывались необходимые суммы. Так, на строительство горской школы в населенном пункте Ведено ушло:

Капиталов Владикавказского окружного казначейства – 1992 рубля 38 копеек.

Расчетной книжки Владикавказского отделения государственного банка за № 249б на бессрочный вклад на сумму 7111 рубля 60 копеек.

Без % билетов госбанка на сумму 4029 рублей 50 копеек.

Трех билетов Грозненского банка на сумму – 3020 рублей 27 копеек. Итого – 16164 рубля 75 копеек.

На устройство Хасав–Юртовской горской школы:

Расчетная книжка Владикавказского отделения государственного банка за № 2494 на бессрочный вклад на сумму – 23730 рублей.

Шесть гос. % билетов – 3200 рублей.

Один билет Грозненского банка – 444 рубля 66 копеек.

Три билета Владикавказского городского банка – 1998 рублей 21 копейка.

Наличных денег во владикавказском окружном казначействе – 6950 рублей 59 копеек.

Итого – 36323 рубля 46 копеек.

Всего на обе школы планировалось израсходовать 52488 рубля 22 копейки (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 102. Л. 2).

Учитывая спрос на образование, 13 ноября 1883 г. согласно Величайше утвержденному мнению Государственного Совета России, повелевалось «...открыть в мусульманских районах повсеместно училища с профессиональным обучением «по штату сельских нормальных училищ, по коему на содержание одноклассного училища требуется в год 700 рублей при условии отвода участка земли не менее одной десятины и готового помещения под училища и квартир учителей, с отоплением, освещением и прислужкой» (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 102. Л. 17 об.).

Согласно этому важному документу и размерам поступающего сбора от заинтересованных жителей населенных пунктов в образовании своих детей, Попечитель Кавказского учебного округа 25 сентября 1892 г. № 7647 посчитал возможным утвердить решение открыть в селениях Ведено и Андреево одноклассные училища с пансионатами «на такое количество мальчиков, которые позволят имеющиеся средства. Так как на Веденское училище поступает в год 1750 рублей, то с отчислением 700 рублей на его содержание остается для пансионата 1050 рублей, на которые можно открыть пансион не более 10 мальчиков» (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 102. Л. 18).

Попечитель Закавказского округа на имя Начальника Терской области 2 сентября 1892 г. писал, что со своей стороны не видит препятствий для открытия школ и передаче учебному ведомству денег на постройку школ (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 102. Л. 21).

Одновременно с этим начальнику Дагестанской области поступило представление об учреждении в Темир-хан-Шуре, вместо существующей там начальной школы открыть прогимназию с горским пансионатом. В качестве персонала в школе значились унтер-офицеры и рядовые. Унтер – офицеры имели оклад в 7 рублей 54 копейки, провиант на сумму 22 руб. 51 коп + 11 руб. 60 копеек, обслуживание в 11 рублей 54 копейки. Итого 54 рубля 45 копеек в месяц. Рядовые – получали жалованье в 5 рублей 25 копеек; провиант не полагался, на обслуживание тратилось 10 рублей 26 копеек. Итого – 49 рублей 59 копеек (НАСОИГСИ. Ф. 12. Оп. 7. Д. 11. Л. 1).

В Северной Осетии, во Владикавказе при реальной прогимназии также открылся Горский пансион, находящийся под попечением начальника Осетинского Округа полковника Элау. В него на обучение стали принимать детей мусульман. Внутренний распорядок прогимназии гласил, что «прием мальчиков в пансион должен быть справедливым, принимать лучших мальчиков из Терской области (150 человек). Плата за содержание – 100 руб.» (НАСОИГСИ. Ф. 12. Оп. 7. Д. 11. Л. 3 об.). При пансионе была открыта больница.

К концу XIX века в мусульманских районах Северного Кавказа возникают профильные учебные заведения. Например, при Нальчикской горской окружной школе, существующей с 1876 г., открылось специальное педагогическое отделение, которое готовило учителей для аульных школ и на содержание которого Кабардинское общество ежегодно добровольно отпускало по 1500 рублей. По статистическим спискам в начале 1879 г. в ней обучалось 8 молодых людей из кабардинцев, окончивших курс учения в Нальчикской школе, в конце года зачислены еще три ученика. Архивы свидетельствуют, что также благодаря пожертвованиям Кабардинского общества при Нальчикской школе было открыто

техническое агрономическое отделение. Смотрителю училища предписывалось ведение в нем агрономии и садоводства, рисования и черчения, а также начальной механики (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 67. Л. 13).

Здесь уместно отметить, что в большинстве вышеперечисленных учебных заведений обучались дети как христианского, так и мусульманского вероисповедания, что способствовало развитию межрелигиозной толерантности и межэтнической культуры. Однако преподавание религиозных каноников велось в отдельных помещениях специально подобранными религиозными служителями. Обучение в школах и училищах девушек и юношей было отдельное. Учебные заведения первоначально содержались на добровольно собранные пожертвования селян и горожан, но затем стали получать существенную помощь от государства. Выпускники мусульманских школ имели различные профессии и могли продолжить дальше свое обучение в российских учебных заведениях (Хачидогов, 2015: 67).

5. Заключение

Таким образом, мы видим, что середина XIX столетия ознаменовалась развитием просвещения в Северокавказском крае. Имперское руководство обратило внимание на духовные запросы горцев-мусульман, касающиеся получения ими образования. При их непосредственном кураторстве, а так же при участии самих горцев, стали открываться школы и училища в мусульманских районах края. Наиболее известные из них находились в селах Темир-Хан-Шуре, Ведено, Андреево, Назрани, Хасав-Юрте, городах Владикавказе, Нальчике и т.д.

Постепенно с увеличением количества школ для детей мусульман возрастало и количество желающих получить образование. Если на начало 1884 г. в 123 учебных заведениях Терской области обучалось 4657 человек, из них 249 – лица мужского пола, то на конец 1895 г. количество учащихся увеличилось до – 6822 человек, из них мусульмане составляли 221 человек. Стоимость содержания всех воспитанников составила 12096 рублей 10 копеек. Использовались средства от помощи благотворительных организаций, в том числе и одного Мусульманского благотворительного общества – 10 852 рубля 40 копеек (ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 17. Д. 67. Л. 126).

Однако вплоть до конца XIX века среди мусульманского населения Северного Кавказа было мало общеобразовательных школ и грамотных людей. Так, в Карачаево-Черкессии и Чечено-Ингушетии до 60-70 годов XIX века школ не было, кроме трех горских и только к 1891 году в Карачаево-Черкессии стало функционировать пять начальных школ. В Адыгее же к концу века школ было совсем мало (АГИМ. Ф. 733. Оп. 82. Д. 329. Л. 1-2).

К тому же среди горцев Северного Кавказа к началу XX столетия преобладали религиозные школы типа хужри (начальные), имеющиеся почти в каждом ауле в крупных селениях, целью многих из них по-прежнему было воспитание у детей религиозного фанатизма путем бессознательного заучивания текстов Корана на арабском языке. В результате проводимой политики наблюдалась почти поголовная неграмотность горцев. Так, по данным переписи 1897 года, среди чеченцев, ингушей и балкарцев грамотность составляла только 0.3 %, кабардинцев – 0.7 %, адыгейцев и черкесов – 1.2 % карачаевцев – 1.5 %, осетин – 5.7 % (АГИМ. Ф. 733. Оп. 82. Д. 329. Л. 23 об.).

Однако прогресс в образовании мусульманского населения был неоспорим, дело духовного развития населения сдвинулось с «мертвой точки».

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Добровольное вхождение Северокавказского края в Российскую империю создало предпосылки для развития образования среди мусульманских народов;
2. Кавказское руководство совместно с горским населением стало открывать школы в городах и селах;
3. С середины XIX столетия произошел количественный и качественный рост учебных заведений для детей мусульман;
4. Выпускники мусульманских школ и училищ имели различные профессии и могли продолжить дальше свое образование в российских учебных заведениях;
5. Однако мусульманское образование нуждалось в существенной корректировке в силу малой численности учебных заведений и отсутствия стройной учебно-методической базы.

Литература

[Дзидзоев, 1994](#) – *Дзидзоев В.Д.* Народы Северного Кавказа в XVIII-XIX вв. Владикавказ, 1994.

[Bleikh, 2015](#) – *Bleikh N.O.* The Contribution of Russian and Mountaineer Enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36. Is. 2. pp. 289-294.

[Шамаев, 2011](#) – *Шамаев А.М.* Историография проблемы формирования интеллигенции на Северном Кавказе в 1920-1930 гг. (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии // *Sochi journal of economy*. 2011. № 3.

[Терский календарь..., 1911](#) – Терский календарь на 1857 г. Выпуск 21. Владикавказ, 1911.

[Терский календарь..., 1913](#) – Терский календарь на 1898 г. Выпуск 123. Владикавказ, 1913.

[ЦГА РСО-А](#) – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

[НАСОИГСИ](#) – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований.

[Хачидогов, 2015](#) – *Хачидогов Р.А.* Российская политика в области мусульманского образования конца XIX – начала XX веков на Северном Кавказе // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № 5-1.

[АГИМ](#) – Архив государственного исторического музея.

References:

[Dzidzoev, 1994](#) – *Dzidzoev V.D.* Narody Severnogo Kavkaza v XVIII–XIX vv. [Peoples of the North Caucasus in XVIII-XIX centuries]. Vladikavkaz, 1994.

[Bleikh, 2015](#) – *Bleikh N.O.* The Contribution of Russian and Mountaineer Enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36. Is. 2. pp. 289-294.

[Shamaev, 2011](#) – *Shamaev A.M.* Istoriografiya problemy formirovaniya intelligentsii na Severnom Kavkaze v 1920-1930 gg. (na materialakh Adygei, Kabardino-Balkarii i Karachaevo-Cherkessii) [The historiography of the problem of the formation of the intelligentsia in the North Caucasus in the 1920s-1930s (on the materials of Adygeya, Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia)] // *Sochi journal of economy*. 2011. № 3.

[Terskii kalendar'..., 1911](#) – *Terskii kalendar'* na 1857 g. [Terek calendar for 1857]. Vypusk 21. Vladikavkaz, 1911.

[Terskii kalendar'..., 1913](#) – *Terskii kalendar'* na 1898 g. [Terek calendar 1898]. Vypusk 123. Vladikavkaz, 1913.

[TsGA RSO-A](#) – *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [The central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania].

[NASOIGSI](#) – *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy* [The scientific archive of the North Ossetian institute of humanitarian and social research].

[Khachidogov, 2015](#) – *Khachidogov R.A.* Rossiiskaya politika v oblasti musul'manskogo obrazovaniya kontsa XIX – nachala XX vekov na Severnom Kavkaze [Russian policy in the field of Muslim education in the late XIX – early XX centuries in the Northern Caucasus]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2015. Т. 7. № 5-1.

[AGIM](#) – *Arkhiv gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [The archive of the state historical museum].

УДК 93/94

**Проблемы развития образования мусульман Терской области
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**Руслан Асланович Хачидогов^{а, *}^а Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского Университета МВД России, Российская Федерация

Аннотация. Образование является одним из приоритетных направлений государственной политики России. Этот факт демонстрирует все возрастающее внимание правительства к развитию системы образования, в том числе и мусульманского, которое имеет достаточно длительную и самобытную историю. Поэтому исследование социально-культурной роли образования у мусульман в крупном регионе Российской империи и его развития сквозь призму прошлого представляется актуальной и назревшей необходимостью. В статье на основе впервые вводимых архивных источников анализируется состояние мусульманского образования в Терской области во второй половине XIX – начала XX вв. Доказывается, что с середины XIX столетия начался бурный рост просвещения среди мусульманских народов Северного Кавказа. Делаются выводы, что в данный период произошел количественный и качественный рост учебных заведений для детей мусульман, однако образование нуждалось в существенной корректировке в силу малой численности учебных заведений и отсутствия стройной учебно-методической базы.

Ключевые слова: Северный Кавказ, мусульманское образование, развитие школ, ислам, Терская область, горские народы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Ruslan.khachidogov.88@mail.ru (Р.А. Хачидогов)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

2017, 15(1): 37-48

DOI: 10.13187/hhct.2017.1.37

www.ejournal3.com

UDC 74.03

Historical and Pedagogical Views of P.K. Uslar (To the 200th Anniversary of His Birth)

Hope O. Blejkh ^{a, *}^aNorth-Ossetian state University. K.L. Khetagurov, Russian Federation

Abstract

The article on the basis of archival and documentary materials, many of which are introduced into scientific circulation for the first time examines the life and work of a talented Russian scientist, teacher and historian Petr Karlovich Uslar, whose jubilee was recently celebrated all across the country. The publication identifies the views of teacher on setting school of education at non-Russian peoples, the emphasis on making education accessible, the introduction in schools of bilingualism, mathematics, geography and history. Given the conclusions that Peter Karlovich, anticipating the time, revealed the production of teaching in national schools used these days. His research philosophy is the combinatorics of educational thought not only of the Caucasus, but throughout Russia. It is of great interest for modern education.

Keywords: P.K. Uslar, the North Caucasus, historical heritage, national education, the school system.

Народ, который не ценит гениев, или не благоговеет
перед могилами великих предков, не имеет будущего...

К.Л. Хетагуров ([Хетагуров, 1960: 345](#))

1. Введение

Петр Карлович Услар принадлежит к плеяде замечательных научных деятелей XIX века. Он обратил на себя внимание своими этнографо-статистическими трудами научного сообщества еще в 40-х годах, находясь на службе в Сибирском корпусе. Затем на Кавказе обессмертил себя различными учеными изысканиями в области истории, этнографии, педагогики, лингвистики. Его статьи на педагогические и исторические темы могут быть, бесспорно, отнесены к лучшим произведениям научной литературы. Очевидно также и то, что его описание действий русских войск в Закавказском крае против Омерпаши, отпечатанное в «Кавказском сборнике», заняло почетное место в военной литературе. Замечателен он также и как писатель: сочинения, отличающиеся логичностью выводов и ясностью, мощный и совершенно оригинальный слог, меткие выражения невольно приковывают внимание к предмету изложения до того, что порой трудно оторваться от

* Corresponding author

E-mail addresses: nadezhda-blejkh@mail.ru (H.O. Blejkh)

чтения статей, вышедших из-под его пера. Одним словом, за какую бы сторону научной деятельности ни брался П.К.Услар, он умел довести её до логического конца, на этом поприще являясь недюжинным тружеником и необыкновенно талантливым деятелем.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база исследования представлена материалами, извлеченными из архивных фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Санкт-Петербургского филиала архива РАН, Отдела рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.Абаева (ОРФ СОИГСИ), Центрального государственного исторического архива Грузии (ЦГИАГ); работами известных российских ученых С.А. Айларовой, Н.П. Гриценко, Л.П. Загурского, А.А. Магометова, Э.Е. Хатаева и др.; а также трудами самого П.К. Услара: «Взгляд на Эриванскую губернию», «Гурийский отряд в 1855 году», «О распространении грамотности между горцами», «Чеченский язык» и др.

2.2. Методы исследования. В работе широко использовались историко-сравнительный, историко-генетический, структурный, абстрактно-логический методы исследования. Каждый из них имел свою область применения и сыграл важную роль в обработке, систематизации и обобщении исследуемого материала. Так, историко-сравнительный метод позволил проанализировать сопоставимые факты. Историко-генетический метод позволил понять причинно-следственные связи и закономерности. Метод структурного анализа был незаменим ввиду необходимости расчленения сложных структур на отдельные составляющие элементы. Абстрактно-логический метод дал возможность обобщения, синтеза и интеграции выводов по теме исследования в целом.

3. Обсуждение

Для изучения проблемы развития педагогической мысли П.К. Услара на Кавказе важное значение имеют просветительно-педагогические, историко-этнографические и лингвистические труды самого ученого, кавказоведов XIX — начала XX веков, ученых, изучавших его работы в последние десятилетия. Самой первой статьей о П.К. Усларе была заметка А. Петрушевского (1881 г.) «П.К. Услар и его деятельность на Кавказе», затем через 7 лет (1888 г.) появляются воспоминания его близкого друга и соратника Л.П. Загурского «Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе». На этом дореволюционная историография исчерпана. Интерес к личности П. Услара появляется только в советский период вместе со статьями Ю.Д. Дешериева «Значение научного наследия П.К. Услара для советского кавказоведения» (1956 г.), А.С. Гаджиева «Петр Карлович Услар — выдающийся кавказовед» (1966 г.), А.А. Магометова «П.К. Услар — как крупнейший языковед и лингвист», Е.Е. Хатаева «Просветители горских народов XIX века» (1985) и др. Но они не в полной мере анализируют труды российского ученого. Поэтому актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью научного подхода к изучению проблемы, ее неразработанностью, отсутствием монографий о П.К. Усларе как историке и педагоге. Поэтому мы остановимся на этом подробнее.

4. Результаты

Начнем с его автобиографии. Родился будущий кавказовед 20 августа (1 сентября) 1816 года в Тверской области в деревне Курово. Он являлся самым старшим ребенком в семье, в которой было 3 сына и 4 дочери. До 10 лет у Петра было домашнее воспитание, а после он находился в обучении у Н. Постникова (друга отца) и учился вместе с его сыном. Здесь гувернером был некий М. Миддендорф, ярый поклонник классицизма. Он сумел пристрастить к изучению латинского языка Петра, который будучи 12-ти лет, уже мог свободно объясняться по латыни с профессором Рейсом. Затем его для дальнейшего образования поместили в третью Петербургскую гимназию, а потом, в инженерное училище.

Эта третья гимназия, основанная в 1823 году, была на хорошем счету. Её директором и учредителем являлся Н.Л. Шнейдер, знаток древних языков. В гимназии молодой П. Услар добросовестно изучает классические языки (впоследствии он любил пересыпать свою речь цитатами, которые часто приводил и в своих работах). Именно в гимназии и родились

у будущего кавказоведа такие качества как честность, любознательность, умение довести начатое дело до конца, целеустремленность, которые так пригодились во всей его дальнейшей жизни.

Неизвестны причины, заставившие будущего ученого, получившего хорошее классическое образование и сохранившего привязанность к нему, потом поступить не в университет, как прочили ему окружающие, а в инженерное училище. Наверное, все-таки на это решение повлияло затруднительное финансовое положение, в котором находилась семья. В подтверждении наших доводов приведем воспоминания его дочери: «Много лишений перенес тогда Петр Карлович. Отец его, служа предводителем дворянства несколько трехлетий в Вышневолоцком уезде, сам очень нуждался и не мог ничего посылать ему» (ОРФ СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 102. Л. 14).

Как бы то ни было, но в 1836 году П. Услар прошел курс наук в Главном Инженерном училище, а в 1837 году начал свою службу на Кавказе. В 1839 году он участвовал в экспедиции, предпринятой в южный Дагестан командиром отдельного Кавказского корпуса, М. Головиным. В том же году он женился на Софии Карловне (дочери знаменитого боевого генерала Карла Карловича Краббе, сподвижника А.П. Ермолова). Эта женитьба, а равно и то обстоятельство, что на Кавказе в войне с горцами погиб его средний брат Сергей (22 лет от роду) во многом предопределили дальнейшую судьбу П.Услара, приобщив его к этому древнему краю и связав семейными воспоминаниями.

Затем жизнь повернула так, что Петр Карлович оставляет Кавказ на долгие 10 лет. Он вместе с молодой женой едет к отцу в Курово, но того в живых не застаёт. В конце 1840 года он поступает в Императорскую Военную Академию и через два года по окончании обучения в ней, причисляется к Генеральному штабу. В тоже время Петра Карловича постигает страшный удар: почти одновременно (на одной неделе) умерли его жена и младшая дочь Юлия от скарлатины. Другую дочь его Нину, взяла на воспитание тетка Н. Чихачева.

Чтобы сколько-нибудь развеять грусть и печаль, П. Услар едет за границу, но вскоре его назначают служить в особый отдельный Сибирский корпус, где и начинается научная деятельность.

По воспоминаниям современников Петр Карлович «был видным мужчиной, не имевшим сколько-нибудь спеси и высокомерия, его лицо было настолько приветливо, что оно казалось симпатичным. Своей остроумною и оживленною речью он мог заинтересовать даже разнообразное общество. Но истинное удовольствие доставляла беседа с ним наедине. Вас невольно очаровывал этот человек с высшим образованием и необыкновенно простой в обращении, человек гуманный и без всякого фанатизма, одним словом, человек в лучшем значении этого слова» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 345. Л. 67). По словам его биографа Л.Н. Загурского, он «подчас отказывая себе в наиболее необходимом, с готовностью разделял последнее с нуждающимся человеком. Притом совершал это деяние он без всякой огласки, так что даже самые близкие не знали об этом» (Загурской, 1881: 15).

Заговорив о нравственной ипостаси личности Петра Карловича, мы должны упомянуть и об его душевной прямоте. Исполняя добросовестно свои служебные обязанности, он чужд был подострастия, раболепия, лакейства, словом сказать, всех тех личностных черт, которые прокладывают карьеру в функционерном мире. Счастьем просветителя было то, что он все время служил на Кавказе, где вознаграждают только за реальные заслуги. В этом суровом крае он дослужился до генерала и, наконец, просвещенное военное начальство позаботилось о более значительной награде для П. Услара, предоставив ему возможность и средства заняться научными исследованиями, покрывшими его имя неувядаемой славой.

Следует упомянуть еще об одной черте ученого. Он был чрезвычайно скромнен. Когда в беседе заходила речь об его трудах, то он старался направить разговор на другой предмет. В архиве Кавказского Горского Управления имеется весьма объемистое дело о распространении грамотности между горцами, в нем попадаются письма П. Услара. В них, отзываясь с большой похвалой о деятельности лиц, интересовавшихся образованием горцев, он умалчивает о своих заслугах для того дела, которого он был инициатором, душой и главным двигателем. В «Сборнике сведений о кавказских горцах» занимает объемное место один отдел, едва затрагиваемый прежде в кавказской научной литературе - это народные

сказания. Но из Сборника не видно, что главной заслугой в сборе материала для этих сказаний является деятельность Петра Карловича.

Скромность его, доходящая до крайности, была, по нашему мнению, одной из главных причин того, что об его деятельности так мало знали даже на Кавказе. П. Услар в этом отношении представлял резкий контраст с теми личностями, которые кричат о своих трудах. Подметив эту сторону в характере ученого, разнообразные искатели славы (каковым являлся И. Бартоломей) эксплуатировали труды его в свою пользу, почти перед его глазами. Не щадили его и после смерти: один анонимный автор заметки, помещенной в журнале *Globus*, приписав главную заслугу в исследовании кавказско-горских языков академику А. Шифнеру, говорит, что А. Шифнер и П. Услар дружно, сообща исследовали эти языки (А. Шифнер исследовал только два горских языка, П. Услар же исследовал 7 языков. А. Шифнер представлял о них только отчеты Академии Наук, роль А. Шифнера в данном случае была весьма скромною – Н.Б.).

В 1850 году просветитель возвращается на Кавказ и работает над описанием Эриванской губернии (Услар, 1852: 18-32), в следующем (1851) году он становится активным участником Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Оценив по достоинству заслуги на научном поприще, в 1858 году по «высочайшему соизволению» ему было поручено составить историю Кавказа (ей он посвятил всю жизнь). Она представляет свод и строгий анализ источников об отдаленном прошлом Кавказа, смежных и более близких к нему стран. Заслуга просветителя в том, что он анализирует древний край с позиций научности, а не фольклористики. Произведение написано своеобразным стилем (по выражению Л. Загурского, этот язык далеко не всякий осилит в наше время) с обилием неологизмов, созданных самим ученым, как бы для того, чтобы походить на поэму и вполне гармонирует с изображенной автором героико-легендарной эпохой. Конечно, многого из написанного П.К. Усларом мы можем не принять, что-то уже оспорено современными учеными, но нужно отдать должное автору: эта работа является солидным научным изысканием, основанном на проработке первоисточников и документальных материалов. В названном исследовании ученый обнаруживает огромную эрудицию, большое знакомство с громадным числом сочинений, писанных на самых разнообразных языках, изумительное трудолюбие и завидную любовь к историческим исследованиям.

Судя по этому Очерку, мы видим, как скрупулезно работал ученый в источниками, как рассудительно приступал к составлению кавказской истории, для которой ему прежде всего, надо было изучить языки кавказских народностей, ибо (по мысли Петра Карловича) «дельное изучение истории какого-либо народа без знания языка его так же немислимо, как изучение климата без пособия барометра, термометра и т.п.» (Услар, 1887: 44).

Изучение горских диалектов исследователь начал с абхазского языка, к анализу которого приступил в 1861 году в Сухуми, а затем более обстоятельно продолжил работу над абхазским языком в 1862 году в Тифлисе, где работал в течение шести недель с тремя абхазами. В этом же году просветитель берется за изучение чеченского диалекта, и уже в 1863 году в Академии Наук с «легкой руки» академика А. Шифнера отпечатанные усларовские монографии «Чеченский язык» и «Абхазский язык» были удостоены высшей награды – Демидовской премии (СПбфРАН. Ф. 2. Д. 1654. Л. 78).

В тот же год П.К. Услар приступает к изучению дагестанских языков, начинает он с аварского – наиболее распространенного языка в Дагестане. В конце 1863 года он пишет А. Берже, председателю Кавказской археологической комиссии, что этот диалект им уже исследован (Услар: 47).

Осенью этого же года, не отлигрофировав еще аварскую грамматику, исследователь принимается за лакский язык. Вслед за ним П. Услар изучает даргинский язык и создает грамматику этого языка, названную самим автором «Хюркилинский язык» – по коренному прозвищу изученного им урахинского наречия.

Через несколько лет (в 1871 году) ученый заканчивает исследование лезгинского языка, названного им кюринским языком. Последним диалектом, который исследует кавказовед, становится табасаранский. Грамматику этого языка он не успел закончить, она осталась неопубликованной (Последние сведения..., 1866: 35-40). Эти солидные грамматики

по семи дагестанским языкам свидетельствуют о серьезной прозорливости и научном призвании просветителя.

Занятие кавказскими языками предоставило исследователю возможность также научно систематизировать и этнологию кавказского края. Особое значение уделял он Нартовским сказаниям, народному эпосу, в котором отражены, пусть и в мифологическом аспекте, жизнь и быт далеких предков кавказских народов. Ученый первым указал на важное значение сказаний о нартах. «Нарты - герои горских песен и сказок. Эти песни и сказки, внешне разъединенные, имеют под собою тесную связь и в совокупности образуют целую эпопею, которой в ближайшей перспективе «угрожает или быть потерянной бесповоротно, или явиться перед интеллигентным миром наравне с великими национальными поэмами как «Илиада», «Одиссея», Шах-наме», «Нибелунги», - считал П.К. Услар (Услар, 1868: 3-42).

Еще в 1865 году он писал по поводу записанной Кази Атажукиным песни о Сосыруко следующее: «Песня о Сосыруко на кабардинском языке, написанная г. Атажукиным, представляет отрывок из великой поэмы о нартах, которая распространена по всему протяжению Кавказского хребта: в Дагестане она известна также, как и на берегу Черного моря. Много времени пройдет прежде, чем эта поэма, теперь еще в отрывочном, хаотичном состоянии предстанет в стройном виде перед светом: для этого потребуется участие множества разноязычных деятелей Кавказа» (Услар, 1868: 3-42).

Лингвистические упражнения П.Услара предполагали введение образования и обучение грамотности горских детей. Его труды по исследованию восточно-кавказских диалектов имели не только научное значение, но и практическое: одновременно с изучением языков составлялись алфавиты, буквари, книги для чтения и методические руководства. Еще в 1862 году в военной типографии Тифлиса, отливали шрифты (матрицы) для печатания педагогических пособий, которые составлялись либо самим просветителем, либо другими педагогами, но под его непосредственным наблюдением.

Среди передовых горцев П. Услар успел отыскать себе и единомышленников. Каковыми были: Кази Атажукин, предложивший для всеобщего чтения фрагменты из поэмы Сосыруко и переводивший с кабардинского языка на русский народный фольклор, Айдемир Черкеевский и Абдулла Омар-Оглы, занимающиеся переводами учебников на дагестанские наречия, Магомет Ширданов, переведший с арабского диалекта на кабардинский «Правила мусульманской веры», Алхас Домуглов, ратовавший за всеобщее образование, изложенное им в книжке «Совет моим единоверцам» (Габуниа, 1991: 45) и мн.др.

В деле распространения грамотности Петру Карловичу помогали также и высокопоставленные лица. Например, начальник кавказского Горского Управления Д.С.Старосельский (1863-1869), затем начальник Дагестанской области М.Т. Лорис-Меликов (1866-1867 гг.). Последний принимал и практические меры, именно он осуществлял на деле план замены арабского языка, употреблявшийся в Дагестане при официальных сношениях, диалектом аварским, как языком общепотребительным в среднем и западном Дагестане (РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 387. Л. 34).

Усилиями данных деятелей в 1865 году решено было открыть временную школу в Хунзухе – центральном пункте аварского тейпа. В эту школу, курс обучения в которой составлял всего лишь 3 месяца, учащиеся направлялись партиями. Учителем был назначен Айдемир Черкеевский, но эта школа долго там не просуществовала и по хозяйственным соображениям была переведена в Т-Х. Шуру. В эту-то школу для обучения присылались, главным образом, письмоводители для окружных судов, т.е. лица, нужные для официальных сношений. Когда вскоре после того было произведено в присутствии Начальника Дагестанской области и П.К. Услара экзамен ученикам, то результат превзошел всякие ожидания. Выучившихся грамоте аварцев было свыше 100 и эта культурная сотня была первой ячейкой, проводящей просветительские взгляды в Дагестане.

В 1866 году подобные школы были учреждены в Кумухе (преподавателем назначили Абдуллу Омар-Оглы) и в Нальчике, где учителем был Кази Атажукин. Чтобы процесс обучения шел лучше, власти за каждого обученного выплачивали стимулирующие надбавки в пределах 5-ти рублей. На преподавателей Нальчикской школы было возложено также обучение учительской профессии. В школах преподавались русский, местный языки,

правила мусульманской веры. Несмотря на несомненные успехи в деле образования простых горцев, в 1868 году эти школы решено было закрыть. Их передали в ведение Учебного ведомства (Блейх, 2015: 290).

Что касается комиссии по распространению грамотности между горцами в западной части Закавказья, то о ней необходимо сказать следующее. Обладавшее богатыми средствами «Общество восстановления христианства на Кавказе» работало много: издавало буквари, книги для чтения, переводило на туземные языки богослужебные книги и открывало школы. Но несмотря на такой широкий размах своей просветительской деятельности, комиссия все же не оправдала возлагавшихся на нее надежд, ибо изданные ею буквари – абхазский, сванетский и чеченский были полны ошибок (Услар: 48).

В это именно время появляется статья Петра Карловича «О распространении грамотности между горцами» и несколько позже составленная им записка «Предположение об устройстве горских школ» (Известия Академии Наук СССР, 1966: 56-60). В названных статьях ученый является нам выдающимся педагогом и проницательным политиком. Отметив в своих работах факт нерасположения горцев к русским, П. Услар рекомендовал скорейшее сближение с ними, и, как на единое средство для такого сближения указывал на необходимость **акклиматизации науки на горской почве** (Услар: 49).

Далее П. Услар вполне резонно рекомендует введение в школах при первоначальном обучении инородцев, родных языков. «Ведь отчие языки – говорил он, – составляют самые надежные проводники для распространения между горцами нового рода понятий. Забрать эти проводники в свои руки, суметь распорядиться ими – дело трудное, но заслуживающее того, чтобы подумать о нем, ведь историческая цель завоевания нами Кавказа заключается в цивилизации его. Быть может от нас зависит здесь, на Кавказе, показать свету впервые каких благодетельных результатов можно достигнуть не только терпением всяких национальностей, но даже оживлением тех из них, которые до сих пор оставались в состоянии вековой апатии. Таковой принцип необходимо принять за краеугольный камень цивилизации Кавказа» (Услар: 50).

Осуждая устаревшие методы обучения в горских школах, педагог ратует за имплантацию в практику обучения положений активности и научности, а также применение в ней краеведческих материалов.

Для горских детей он считал нужным практическое овладение родным и русским языками, математикой, популярными сочинениями из области естествознания для формирования научного взгляда на мир, географией, способствующей развития к земледелию и этнографии (Письмо к Д.С.: 89).

Все, что до сих пор сказано об изучении горских языков самим ученым, и как на основании такого изучения составлял он руководства для школ и указывал средства к достижению намеченных целей – все это выставляет перед нами просветителя, главным образом, как педагога-мыслителя, которому в будущем предстояла обширная организаторская работа.

Борясь за правильную постановку образовательного процесса в национальных школах, П. Услар обращал внимание на учебную литературу. Он настаивал, чтобы фразы в букварях были удобопонятны. Буквари не должны одновременно сообщать учащимся и правила нравственности, и элементы наук, ибо искусственный подбор якобы нравственных статей для воспитания педагог находил непедagogичным. Единственная цель букварей - научить читать, а для упражнений в чтении, педагог рекомендует составить для уже грамотных горцев сборники туземных сказок, пословиц, песен и т.д. (Услар: 30).

Когда азбуки, грамматики, руководства к чтению, составленные Петром Карловичем, были готовы, он переходил к практике: по составленным пособиям надо было начать обучение в школах, которые тоже было необходимо создать по определенным указаниям. Эти-то указания и представил ученый в своем замечательном трактате «Предположение об устройстве горских школ» (Услар, 1887: 30-44). Не вдаваясь в подробное рассмотрение всех затронутых в этой публикации вопросов, могущих послужить темой для интересной статьи по истории просвещения на Кавказе, ограничимся передачей нескольких мыслей П.К. Услара, оставивших далеко позади педагогические воззрения своего времени.

По проекту просветителя элементарное воспитание должно состоять в пробуждении умственных способностей учащихся и приучении их к самостоятельной деятельности:

надлежит всячески добиваться, чтобы ученики, прежде всего, **выучивались учиться**. Девизом начальных училищ должно стать не столько **приобретение знаний**, сколько **привитие умения добывать эти знания** (Услар, 1887: 56).

К числу необходимых школьных достижений педагог относил и приобретение способностей понимать, что значит наука, какого бы рода она не была, и как следует за нее приниматься и, развитие охоты к чтению, и ощущение необходимости самообразования. Осуществление такой рационально обоснованной и целесообразной программы действительно должно было создать новое поколение передовых людей на Кавказе.

Проектируемая им школа не должна давать никаких льгот и служебных преимуществ. Основными предметами образования (по проекту П.К. Услара), должны быть языкознание и математика. По его мнению, знание родного языка сближает горцев с русской жизнью, хотя бы на первых порах только умственное, а это бесконечно важно для будущности Кавказа. Что касается математики, то ученый является сторонником необходимости более глубокого её познания. По окончании учебного года все тетради с ученическими упражнениями в литографированных списках должны быть препровождены в Академию Наук и философские факультеты русских и даже некоторых иностранных университетов. При этом предполагалось, что на призыв народных школ охотно откликнуться как русские научные деятели, так и европейские руководители. Из свода замечаний, сделанных передовыми учеными, составляется ценное школьное руководство. Здесь нельзя не заметить правильную рационализацию труда, при котором не пропадают бесследно ни усиленные занятия наставников, ни большое прилежание учеников: те и другие поставлены в необходимость, по мере своих сил и разумений, работать на пользу реальных знаний, результаты которых подлежат, так сказать, оценочной проверке высшей научной инстанции. Воспитание должно знакомить с жизнью, как оно есть - со всеми её светлыми и темными сторонами (Хатаев, 1985: 118).

Также Петр Карлович придавал большое значение изучению истории. Он в своих публикациях предупреждает: «Изучение истории не должно носить механически-мнемонического характера», т.е. не следует зазубривать специальные хронологические даты, имена и т.д., как практиковалось в те времена в России – для этого имеются справочники (Айларова, 2003: 158). Чтобы дать почувствовать всю увлекательность осмысления исторических событий, П. Услар считает вполне достаточным изложить реферацию фактов, наиболее рельефно выделяющихся из общего хода мировой истории. Он приводит и примеры таких явлений, где на главное место ставит Великую Французскую революцию.

Хотя Петр Карлович, как филолог и отдавал решительное предпочтение языкознания над естествознанием, но все же он придавал и большое значение изучению горцами естественных наук: «Горцы не выводятся из фанатичного оцепления своего, покуда не возникнет у них любознательность и влечение к естествознанию» (Гриценко, 1981: 23).

В цикл наук горских школ педагог также определяет политэкономия, выражаясь современным языком, обществоведение. Относительно преподавания политэкономии П.К. Усларом опережаются понятия своего времени, и они выражаются так: «Быть может странным покажется вводить сей предмет в элементарное образование, но наука эта составляет основание всякой разумной гражданской деятельности: непонимание основных начал её тяготеет над Кавказом» (Магомедов: 15).

Предмету, который созвучен с современным обществознанием ученый дал название «современности» и для приобщения к ней считал полезным, чтобы каждая школа заказывала хотя бы по одной книге для чтения обучающихся.

Говоря о воспитательном воздействии учащихся друг на друга, он предоставляет воспитанникам многие к тому возможности, так по его рекомендации, создаются из старших учеников репетиторы, организуются кружки по интересам.

Таким образом, еще во второй половине XIX века, руководствуясь великими гуманными целями, ученый предпринял ряд практических шагов с тем, чтобы способствовать развитию школы и передовой педагогической мысли горских народов. Однако эти благие намерения и мероприятия за редким исключением, оставались неосуществленными вплоть до Октябрьской революции. Благотворное же влияние

П.К. Услара на просветителей горских народов второй половины XIX века и последующих поколений огромно.

Но вернемся в 50-е годы – это было боевое время на Кавказе: не говоря уже об упорной войне с горцами, пришлось заодно вести и Восточную войну. Понятно, почему Петру Карловичу, как одному из способнейших офицеров Генерального штаба, постоянно давались командировки в разные места. Только на короткое время заезжал он в Тифлис и тогда посещал кружок лиц, интересующихся изучением Кавказа, заседания местного Географического общества, в которых делал свои сообщения, выводы об увиденном, научные исследования. Нам лишь приходится только сожалеть, что они не сохранились и не были нигде напечатаны. Л. Загурский в своем исследовании об П. Усларе пишет по этому поводу: «Одно из них особенно замечательно, так как представляло собою программу этнографического исследования края» (*Сборник научных...*, 1928: 18). До кавказоведа в местных изданиях помещались отдельные описания быта различных кавказских народностей, их обычаев, нравов, иногда народные словесные произведения (поговорки, пословицы, поговорки и т.д.). Все это без сомнения являлось ценными этнографическими материалами, представлявшими собой *rudis et indigesta moles* - о показании масштаба этнографических данных не было и речи. В сообщении, о котором мы только что упомянули, ученый развивал мысль о том, что «бытовая сторона всякого народа, представленная обычаями, нравами и менталитетом предопределена геополитическими условиями и историческими причинами, поэтому для уразумения народа следует рассматривать не только бытовую сторону, но и увязать их с означенными фактами» (*ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 4. Д. 22. Л. 1-39*).

Само собою разумеется, что для проведения в исполнение этой программы, требовалось многостороннее изучение кавказских народностей, их быта, что конечно, было не по силам одному лицу. Тем не менее, кавказовед старался сделать то, что мог. Командировки, даваемые ему в разные места края, предоставили возможность лично ознакомиться с кавказскими народностями. Так, еще в первый период его пребывания на Кавказе, П. Услар познакомился с восточными провинциями и с южным Дагестаном, с 1851 по 1853 год, состоя попеременно в распоряжении ген. Слепцова, бар. Вревского и кн. Барятинского, исходил вдоль и поперек значительную часть Чечни. В это беспокойное время настает еще и война с Турцией. П. Услар принимает участие в военно-дипломатической комиссии, состоявшей под начальством ген. Санковского, затем его отсылают в Персию по поводу «неприятного расположения к русским пограничных курдов». Оттуда в 1854 году исследователя посылают в отряд, действующий против турок со стороны Эриванской губернии. В том же году он был командирован в расположение начальника всей Лезгинской кордонной линии, но на короткое время. Вскоре его назначают начальником штаба при кн. И.К. Багратион-Мухранском, командовавшим тогда Гурийским отрядом, который предназначался для обороны Закавказского края от османцев.

Во время пребывания в этом крае он успел на досуге набросать ценные этнографические заметки. Дав характеристику составных частей Закавказского края в географическо-военном положении и познакомив обстоятельно с народонаселением, его состоянием в политическом отношении, ученый описывает подробно, шаг за шагом действия двух воюющих сторон. Эта усларовская монография заняла достойное место в военной литературе (*Услар, 1880: 235-470*).

Но вот восточная война закончилась. И тут свершилось действие, на всю жизнь оставившее неизгладимое впечатление на П.К. Услара. Речь идет о катастрофе, жертвою которой сделался князь Н. Гагарин, безвинно убитый сванетским князем К. Дадишкилиани. Сам ученый не пострадал только по счастливой случайности: за минуту, как ворваться разъяренному князю Константину Дадишкилиани к Николаю Гагарину, последний поручил П. Услару отправить почту в Тифлис. Просветитель очень переживал эту смерть. Этот случай подействовал на него так, что он решил покончить с военной карьерой.

В 1874 году Петр Карлович возвращается на Родину, в с. Курово уже тяжело больным. Последние годы жизни кавказоведа были тягостны: его мучила болезнь печени, и особенно, мысль, что он не успеет сделать всего того, что им было предложено к исполнению. Он уже перестает печататься в своем детище «Сборнике сведений о кавказских горцах», который так усердно поддерживал все эти годы своими трудами и статьями многих своих знакомых, побуждаемых им в научно-литературной работе, стал сторониться людей. К общему

физическому недомоганию присоединились и другие неприятности, главнейшей из которых была статья неизвестного автора под инициалами Т.М., напечатанная в газете «Кавказ» (1869, № 44) ([Кавказ. 1869](#)). Автор этой статьи горячо стоял за рутинный способ обучения горцев, а строго обдуманый план относительно воспитания кавказцев изображал в извращенном виде.

В мае 1875 года Петру Карловичу стало хуже. По словам Л.Н.Загурского, «тогда же из Москвы был вызван доктор, который нашел положение больного опасным, грозившим быстрой развязкой, которая не заставила себя долго ждать. 1 июня больной потерял сознание от испытываемых им ужасных болей, с 5 числа он громко бредил, не умолкая, все время призывал к себе горцев, с которыми занимался в Т-Х Шуре, и в бреду приходили ему на память его лингвистические штудии. Тогда же ему показалось, что пришел кн. Дадишкилиани, убийца Гагарина. 8 июня в 7 утра ученый скончался» ([Загурский, 1881: 44](#)).

5. Заключение

Научные заслуги просветителя стали оцениваться лишь после его смерти: тогда начали издавать его труды, сначала Кавказское Военно-Народное Управление, а затем Кавказский Отдел Российского Географического общества и, наконец, Управление Кавказским Учебным Округом. Они имели высокую научную ценность.

Многие воззрения П.К.Услара применимы и в наши дни. В своих работах он рекомендовал правительству свой проект организации школ для нерусских народов, осуждая догматизм и схоластику в обучении. Педагог полагал, что народные школы должны быть публичными для всех стремящихся к знаниям и общеобразовательными. Основное внимание в них следует предоставить изучению гуманитарных предметов: отеческого и русского языков, истории. Хотя П.К.Услар, как лингвист и отдавал решительное предпочтение языкознанию над естествознанием, но все же он придавал и большое значение изучению горцами естественных наук – математики, географии, политэкономии (названной им «современностью», которая соответствует по форме и содержанию сегодняшнему предмету «Обществоведение»). К тому же он ратовал за организацию кружков по интересам и взаимопомощи и тому подобного полезного и близкого нам, современным педагогам.

Как видим, Петр Карлович, упреждая своё время, раскрыл постановку учебного дела в национальных школах, применяемую и в наши дни. Его научная философия является комбинаторикой педагогической и исторической мысли не только Кавказа, но и всей России в дооктябрьскую пору. Она раскрывает новаторскую индивидуальность и потому представляет определенный интерес для современного образования.

Литература

- [Хетагуров, 1960](#) – *Хетагуров К.Л.* Полное собрание сочинений. М.: Наука, 1960. 678 с.
- [ОРФ СОИГСИ](#) – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. Абаева.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [Загурский, 1881](#) – *Загурский Л.П.* Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1881. С. 38-89.
- [Услар, 1852](#) – *Услар П.К.* Взгляд на Эриванскую губернию // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн.1. Тифлис, 1852. С. 18-32.
- [Услар, 1887](#) – *Услар П.К.* Чеченский язык. Тифлис, 1887. С. 44.
- [СПбфаРАН](#) – Санкт-Петербургский филиал архива РАН.
- [Услар](#) – *Услар П.К.* О распространении грамотности между горцами. // Услар П.К. Этнография Кавказа. Тифлис. Т. 1. С. 47.
- [Последние сведения..., 1866](#) – Последние сведения о трудах г.–м. П.К. Услара // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1866. Кн. VII. Вып. 1. С 35-40.
- [Услар, 1868](#) – *Услар П.К.* Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868. Отд. У. С.3-42.

[Габуниа, 1991](#) – *Габуниа З.М.* Научные портреты кавказоведов-лингвистов Из истории лингвистических учений. Нальчик, 1991. С.45.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Блейх, 2015](#) – *Блейх Н.О.* The Contribution of Russian and Mountaineer Enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36. Is. 2. pp. 289-294.

[Известия Академии Наук СССР, 1966](#) – Известия Академии Наук СССР /Серия литературы и языка. Т. 25. Вып. 5, 1966. С. 56-60.

[Письмо к Д.С.](#) – Письмо к Д.С. (Д.С. Старосельскому?) // Услар П.К. Этнография Кавказа. Тифлис. Т.1. С. 89.

[Услар, 1887](#) – *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Тифлис, 1887. Т.1. С. 30.

[Хатаев, 1985](#) – *Хатаев Э.Е.* Просветители горских народов (XIX в.). Орджоникидзе, 1985. 354 с.

[Айларова, 2003](#) – *Айларова С.А.* Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003. 326 с.

[Гриценко, 1981](#) – *Гриценко Н.П.* Русские просветители XIX века среди кавказских народов // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 158-164.

[Магомедов](#) – *Магомедов А.А.* Петр Карлович Услар как крупнейший языковед и лингвист // Известия Академии Наук СССР. Т. 25. С. 23.

[Сборник научных..., 1928](#) – Сборник научных статей по вопросам культуры. Ростов-на-Д, 1928. 423 с.

[ЦГИАГ](#) – Центральный государственный исторический архив Грузии.

[Услар, 1880](#) – *Услар П.К.* Гурийский отряд в 1855 году // Кавказский сборник. Т.V. Тифлис, 1880. С.235-470.

[Кавказ. 1869](#) – Кавказ. 1869. № 44.

[Загурский, 1881](#) – *Загурский Л.П.* Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1881.

References

[Khetagurov, 1960](#) – Khetagurov K.L. Polnoe sobranie sochinenii [Collected works]. М.: Nauka, 1960. 678 с.

[ORF SOIGSI](#) – Otdel rukopisnykh fondov Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V. Abaeva [The division of the manuscript holdings of the North Ossetian Institute of humanitarian and social studies].

[RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].

[Zagurskii, 1881](#) – Zagurskii L.P. Petr Karlovich Uslar i ego deyatel'nost' na Kavkaze [Petr Karlovich Uslar and its activities in the Caucasus] // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. Tiflis, 1881. S. 38-89.

[Uslar, 1852](#) – Uslar P.K. Vzglyad na Erivanskuyu guberniyu [Look at the Erivan province] // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. Kn.1. Tiflis, 1852. S. 18-32.

[Uslar, 1887](#) – Uslar P.K. Chechenskii yazyk [Chechen language]. Tiflis, 1887. S. 44.

[SPbfaRAN](#) – Sankt-Peterburgskii filial arkhiva RAN [St. Petersburg branch archive RAS].

[Uslar](#) – Uslar P.K. O rasprostraneniі gramotnosti mezhdū gortsami [Uslar On the spread of literacy among the mountaineers]. //Uslar P.K. Etnografiya Kavkaza. Tiflis. T. 1. S. 47.

[Poslednie svedeniya..., 1866](#) – Poslednie svedeniya o trudakh g.–m. P.K. Uslara [For the latest information on the works of G. M. P. K. Uslar] // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. Tiflis, 1866. Kn. VII. Vyp. 1. S. 35-40.

[Uslar, 1868](#) – Uslar P.K. Koe-čto o slovesnykh proizvedeniyakh gortsev [Something about verbal works of mountaineers Collection of information about the Caucasian highlanders] // Sbornik svedeniі o kavkazskikh gortsakh. Vyp. 1. Tiflis, 1868. Otd. U. S. 3-42.

[Gabunia, 1991](#) – Gabunia Z.M. Nauchnye portrety kavkazovedov-lingvistov Iz istorii lingvisticheskikh uchenii [Scientific portraits of Caucasian linguists history of linguistics]. Nal'chik, 1991.

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

[Bleikh, 2015](#) – Bleikh N.O. The Contribution of Russian and Mountaineer Enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36. Is. 2. pp. 289-294.

[Izvestiya Akademii Nauk SSSR, 1966](#) – *Izvestiya Akademii Nauk SSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR] / *Seriya literatury i yazyka*. T. 25. Vyp. 5, 1966. S. 56-60.

[Pis'mo k D.S.](#) – Pis'mo k D.S. (D.S. Starosel'skomu?) [Letter to D. S. (D. S. Staroselsky?)] // Uslar P.K. *Etnografiya Kavkaza*. Tiflis. T.1. S. 89.

[Uslar, 1887](#) – Uslar P.K. *Etnografiya Kavkaza* [Ethnography of the Caucasus]. Tiflis, 1887. T.1. S. 30.

[Khataev, 1985](#) – Khataev E.E. *Prosvetiteli gorskikh narodov (XIX v.)* [Educators of mountain peoples (XIX century)]. Ordzhonikidze, 1985. 354 s.

[Ailarova, 2003](#) – Ailarova S.A. *Obshchestvennaya mysl' narodov Severnogo Kavkaza v XIX veke: kul'turno-istoricheskie problemy modernizatsii* [Social thought of the peoples of Northern Caucasus in XIX century: cultural-historical problems of modernization]. Vladikavkaz, 2003. 326 s.

[Gritsenko, 1981](#) – Gritsenko N.P. *Russkie prosvetiteli XIX veka sredi kavkazskikh narodov* [Russian enlighteners of XIX century among the Caucasian peoples / Relations of the peoples of Chechen-Ingushetia with Russia and the peoples of the Caucasus in the XVI – early XX century] // *Vzaimootnosheniya narodov Checheno-Ingushetii s Rossiei i narodami Kavkaza v XVI – nachale XX v.* Groznyi, 1981. S. 158-164.

[Magometov](#) – Magometov A.A. *Petr Karlovich Uslar kak krupneishii yazykoved i lingvist* [Petr Karlovich Uslar, as the largest linguist and linguist] // *Izvestiya Akademii Nauk SSSR*. T. 25. S. 23.

[Sbornik nauchnykh..., 1928](#) – *Sbornik nauchnykh statei po voprosam kul'tury* [Collection of scientific articles on culture]. Rostov-na-D, 1928. 423 s.

[TsGIAG](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [CSA of the Republic of Georgia].

[Uslar, 1880](#) – Uslar P.K. *Guriiskii otryad v 1855 godu* [Guria a detachment in 1855] // *Kavkazskii sbornik*. T.V. Tiflis, 1880. S.235-470.

[Kavkaz. 1869](#) – *Kavkaz*. 1869. № 44.

[Zagurskii, 1881](#) – Zagurskii L.P. *Petr Karlovich Uslar i ego deyatel'nost' na Kavkaze* [Petr Karlovich Uslar and its activities in the Caucasus] // *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. Tiflis, 1881.

УДК 74.03

Историко-педагогические воззрения П.К. Услара (к 200-летию со дня рождения)

Надежда Оскаровна Блейх^{а, *}

^а Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных и документальных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, рассматривается жизнь и деятельность талантливого российского ученого, педагога и историка Петра Карловича Услара, юбилей которого недавно отметила вся страна. В публикации выявляются воззрения педагога по вопросам постановки школьного просвещения у нерусских народов, основной акцент делая

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nadezhda-blejkh@mail.ru (Н.О. Блейх)

на доступности образования, введении в школах двуязычия, математики, географии и истории. Приводятся выводы, что Петр Карлович, упреждая своё время, раскрыл постановку учебного дела в национальных школах, применяемую и в наши дни. Его научная философия является комбинаторикой педагогической мысли не только Кавказа, но и всей России. Она представляет несомненный интерес для современного образования.

Ключевые слова: П.К. Услар, Северный Кавказ, историческое наследие, национальное образование, школьная система.

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



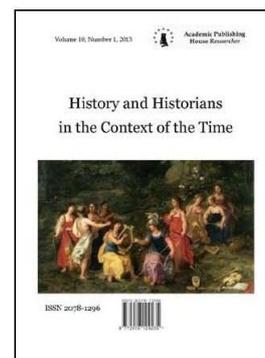
Published in the Slovak Republic
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

2017, 15(1): 49-60

DOI: 10.13187/hhct.2017.1.49

www.ejournal3.com

Kurdistan and the "Kurdish Issue" in the "Oriental Policy" of Russia

Nugzar Ter-Oganov^{a, *}^a Tel Aviv University, Center for Iranian Studies, Tel Aviv-Yafo, Israel

Abstract

Since the two Moslem countries – Ottoman Turkey and Qajar Iran – had lost their wars to Russian empire, their adjacent provinces, especially Kurdistan became an object of keen interest of their northern neighbor.

According to the calculations, made by the Russian political and military figures at the end of XIX – beginning of XX c., Kurdistan could play a role of the bridgehead in the future military campaigns. That is why close to the World War I, the Staff of the Caucasian military district had intensified his exploration of the Kurdistan region, meanwhile looking for a way how to resolve the so-called "Kurdish issue".

As the best illustration of the Russian approach how the military circles looked at the problem of Kurdistan, and accordingly to the "Kurdish issue", could be considered "A Short Note on How to Rule over the Kurds, and regarding the Needs of the Russian Kurds" of the Russian Intelligence officer, Staff-Captain K.N. Smirnov. The note was composed by him at the very beginning of the WWI, on 14 December, 1914.

Keywords: "Kurdish issue", Russian Empire, Turkey, geopolitical interests.

1. Введение

В истории Российской империи начало XIX столетия ознаменовалось немалыми территориальными приращениями на Кавказе. В результате продолжительных войн с Ираном и Османской империей, завершившихся подписанием в 1828 г. Туркманчайского, а в 1829 г. Адрианопольского мирных договоров, к России отошло все Закавказье.

Вслед за проведением военно-административных реформ Закавказье стало составной частью Российской империи. Отныне Россия стала непосредственно граничить на юге с Османской империей и Ираном. Соседство с двумя крупнейшими мусульманскими государствами особенно обострил интерес России к граничащим с ней областям.

Именно после завершения войн с соседями в России все чаще стали появляться исследования, целью которых было изучение как политико-экономического, так и военного потенциала приграничных областей Турции и Ирана. Серьезную работу в деле изучения соседних стран вели посольства и консульства Российской империи в этих странах, а также Штаб Кавказского военного округа. Так как Россия считала приграничные районы Османской империи, а также Ирана возможным военным театром, то имела там своих гласных и негласных военных агентов, которые поставляли ценную информацию не только

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (Nugzar Ter-Oganov)

сутубо военного характера, касающуюся состояния вооруженных сил, но и весьма богатый материал о национальном и религиозном составе той или иной области, а также о ее военном потенциале.

Поскольку Курдистан, в целом, считался одним из предположительных театров военных действий Кавказской армии, в России еще с 30-х годов XIX столетия приступили к его серьезному изучению. С самого начала курды стали представлять определенный интерес для военно-политических кругов России. В различных донесениях о курдах их авторы, как правило, обращали внимание на особый статус курдских племен. "Впрочем, курды, – писал в свое время князь Щербатов, – кочуя то в горах Азербайджана и Карадага, то в горах Азиатской Турции, не признавали себя подвластными ни Персии, ни Турции" (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1, Д. 378. Л. 421).

2. Обсуждение и результаты

Необходимо отметить, что благодаря путевому журналу Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению в 1849-1852 гг., были получены ценнейшие сведения о Курдистане, а также о курдах, проживавших по обе стороны турецко-персидской границы (Чириков, 1875). В деле исследования Курдистана внес свой вклад замечательный русский востоковед Н.В. Ханьков. Как известно, в 1853 году, т.е. незадолго до начала Крымской войны, на страницах газеты "Кавказ" появился его отчет о поездке в Персидский Курдистан (Ханьков, 1853). Уже после окончания войны, в 1856 г., все еще занимая должность Генерального консула в Тавризе, Н.В. Ханьков побывал в Соудж-Булаке, где ему удалось собрать обширные сведения о положении в Турецком Курдистане (Халфин, Рассадина, 1977: 111-112).

Особую ценность Турецкий Курдистан приобрел в глазах военно-политических кругов России после ее победы в войне с Турцией 1877-1878 гг., когда была установлена новая русско-турецкая граница, которая просуществовала вплоть до начала Первой мировой войны (1914-1918). Новая граница, в определении которой принимал самое деятельное участие председатель разграничительной комиссии А.С. Зеленой, бывший военный агент в Константинополе, давала неоспоримые стратегические преимущества Кавказской армии (Тер-Оганов, 2015: 26). В 80-х годах XIX в. заострил свое внимание на обострение курдского вопроса негласный военный агент ШКВО, а позднее вице-консул в Ване К.П. Камсаракан (Камсаракан, 1884: 34-46), занимавшийся исследованием вопроса о положении христианского населения этого края (Тер-Оганов, 2015: 62-64). В Штабе Кавказского военного округа разрабатывались различные обзоры Турецкого Курдистана, как передового театра. Между прочим, в свое время офицером генерального штаба Ф.Ф. Грязновым, тем самым, кто позднее в период Первой русской революции занимал должность начальника ШКВО, и в 1905 г. погиб от бомбы революционера, был составлен "Военный обзор передового театра в Азиатской Турции" (Тер-Оганов, 2015: 50-51), служившим основным географическим сочинением по данному краю.

Несмотря на появление многочисленных исследований о Курдистане, в конце столетия полковник генерального штаба Карцев в своих "Заметках о курдах" все же был вынужден констатировать отсутствие достоверной информации о курдах. "Всекие точные сведения о курдах [в данном случае автор имеет в виду курдов Турции – Н.К. Тер-Оганов] очень трудно добыть, их нет и у турецкого правительства, литература предмета довольно обширна, но не полна, а главное, между временами наблюдений разных авторов прошло столько лет, что трудно сделать общие выводы" (Карцев, 1897: 337). Это говорил человек, благодаря которому сегодня мы имеем подробнейшую карту расселения курдов в Турции и Персии накануне XX столетия. Заслуга Карцева состоит еще и в том, что, пользуясь данными карты расселения армян в Турции, составленной генерал-лейтенантом А.С. Зеленым, нанес их на свою карту, тем самым, предоставив читателю полную картину национально-конфессионального состава населения обширного края. Следует заметить, что работа полковника Карцева в течение долгого времени по праву считалась основным источником по Курдистану, а приложенная к ней карта – самой верной схемой расселения курдских племен (Тер-Оганов, 2015: 195-196).

На рубеже XIX–XX вв., в свете усиления борьбы между европейскими державами за политико-экономическое влияние в Турции, Курдистан, впрочем, как и "армянский вопрос",

стал все более приковывать внимание военно-политических кругов России. Русские негласные и гласные военные агенты, занимая должность вице-консулов в Ване, Эрзеруме, Ризе, а позднее и в Мосуле, исправно отправляли свои донесения о положении в Курдистане и Турецкой Армении, а также занимались рекогносцировкой дорог этого обширного района. Следует заметить, что многие из этих работ были опубликованы в различных органах военной печати. Негласным военным агентом А.И. Гипшиусом совместно с геодезистом Д.Д. Геденовым в 1889 г. был обследован маршрут, длиной три тысячи верст: Игдыр-Ван-Битлис-Диарбекры-Муш-Эрзерум-Эрзинджан, и далее: Токат-Сивас-Аллепо (Халеб), охватывающий Турецкую Армению, Курдистан и Сирию (*Сборник маршрутов...*, 1892). Тема Курдистана и курдов все больше стала занимать умы в Штабе Кавказского военного округа. В 1900 г. вышла в свет интересная работа П.И. Аверьянова (позднее он занимал должность русского военного агента в Эрзеруме) о турецких, персидских и русских курдах (*Аверьянов, 1900*). В 1903 г. бывшим вице-консулом и военным агентом в Ване А.Г. Туманским, в дальнейшем известным востоковедом, был опубликован "Очерк района Эрзерумского и Битлисского вилайетов, прилегающего к левому флангу операционной линии – к Эрзеруму и – маршрутные описания" (*Туманский, 1909*).

Особую лепту в изучении предполагаемого театра военных действий внес В.Т. Маевский, занимавший должность вице-консула сначала в Ване (1895-1900 гг.), а затем (1900-1914 гг.) в Трапезунде и Ризе. На самом же деле В.Т. Маевский, пользуясь дипломатическим прикрытием, изъездил всю Малую Азию, и в течение двадцати лет исполнял роль негласного военного агента ШКВО. За время своей работы в Турции он написал "Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов" (*Маевский, 1904*), а также много работ, которые затем были опубликованы в виде отдельных статей в военной печати. Особо хочется подчеркнуть, что его высокопрофессиональные труды оказали большую услугу Кавказской армии при проведении военных операций на территории Восточной Турции в период Первой мировой войны (*Тер-Оганов, 2015: 218*).

Своеобразным продолжением работы В.Т. Маевского в области изучения Ванского и Битлисского вилайетов можно считать служебную командировку подполковника Генерального штаба В.П. Ляхова и штабе-капитана К.Н. Смирнова в восточную Турцию в 1904 году. Эту поездку К.Н. Смирнов вкратце описал в своей черновой записке (*Тер-Оганов, 2006: 109-141*). Следует заметить, что сам подполковник В.П. Ляхов по материалам этой поездки составил военно-статистический отчет, который в дальнейшем, а именно в 1906 г., был опубликован Штабом Кавказского военного округа (*Ляхов, 1906*).

Как известно, в результате русско-японской войны, начавшейся в феврале 1904 года, многие воинские части Кавказской армии были переброшены на Дальний Восток. Оголение Кавказской оборонительной линии вызывало естественную тревогу в Штабе Кавказского военного округа, так как создавшейся ситуацией, как полагали там, могла воспользоваться Турция. Слухи о мобилизации частей IV армейского корпуса турецкой армии на русско-турецкой границе еще более усиливали тревогу военного начальства кавказского края. С другой стороны, агентурные сведения подтверждали военные приготовления Турции. Дело стало принимать серьезный оборот. В результате, российский посланник в Константинополе "вошел с представлением к Порте". В ответ на высказанные российской стороной опасения по поводу военных приготовлений Турции, султан стал отрицать какое-либо намерение напасть на Закавказье. Что же касается мобилизации частей IV корпуса, то это действие он объяснил "необходимостью подавить армянское восстание в Сасуне и в пограничной с Кавказом полосе". В подтверждение правоты своих слов султан предложил российской стороне на местах ознакомиться с положением дел. Для этого обратился к ней с просьбой, прислать в распоряжение упомянутого армейского корпуса офицера Генерального штаба. В ответе на это предложение султана, кавказское военное начальство решило командировать в Турцию перспективного обер-офицера, подполковника Генерального штаба В.П. Ляхова. Так как он не владел турецким языком, в окружном штабе стали искать кандидатуру переводчика. После языкового экзамена, устроенного генерал-лейтенантом

* Как известно, первое восстание армян в Сасуне, в 1894 году, было жестоко подавлено турецким султаном Абдул-Гамидом – Н.К. Тер-Оганов.

А.С. Зеленым, на должность переводчика турецкого языка при подполковнике В.П. Ляхове был назначен штабс-капитан К.Н. Смирнов.

6 мая 1904 г., расположившись в поезде Тифли-Карс, подполковник В.П. Ляхов в сопровождении штабс-капитана К.Н. Смирнова отправился к турецкой границе. Как выясняется из записки, на лошадях за два месяца они проехали около 1 тысячи верст по заранее намеченному маршруту: Тифлис–Эриван–Баязид–Битлис–Муш–Хныс–Буланьк–Алашкерт–Эрзерум–Ардаган–Карс.

Во время поездки в Турцию, как об этом признается сам К.Н. Смирнов, была собрана интересующая их информация военно-политического характера. Кстати, К.Н. Смирнов в конце записки о поездке в Турцию указывает на полезность этого путешествия, в ходе которого которого он основательно ознакомился "с турецкой армией и районом курдов", что, в свою очередь, очень пригодилось ему во время работы в 1906-1907 гг. в новообразованном разведывательном отделении Штаба Кавказского военного округа ([Тер-Оганов, 2006: 141](#)).

Можно предположить, что интерес России к Турецкому Курдистану особенно возрос после подписания в августе 1907 г. англо-русского соглашения, согласно которому стороны поделили между собой сферы влияния в Иране. Как известно, в результате подписанного соглашения Иранский Курдистан, впрочем как и вся северная часть страны, оказался в орбите политико-экономического влияния России. Это обстоятельство не могло не побудить Россию заострить внимание на турецкую часть Курдистана, в отношении которой она имела определенные военно-политические расчеты. Кроме того, по мере ухудшения русско-турецких отношений, и опасений, связанных с возможным вторжением турецких войск в Закавказье, Штаб Кавказского военного округа стал проявлять повышенный интерес к тылам турецкого IV армейского корпуса – к Месопотамии, где был расположен VI армейский корпус турков, подкреплявший турецкую армию на кавказском фронте.

Поставив перед собой конкретную цель – обследовать южную часть Курдистана, а также прилегающие к стратегической линии Багдад–Керманшах районы Месопотамии, высшее военное руководство пришло к мысли о необходимости перемещения вице-консульства из Вана в Мосул ([Тер-Оганов, 2015: 72](#)). В 1908 г. на должность первого вице-консула в Мосуле (1908-1910), с возложением на него функций военного агента, был назначен офицер Генерального штаба А.В. Бензенгр. Результаты его деятельности в качестве негласного военного агента нашли отражение в его "Записке о Курдистане" ([Бензенгр, 1911](#)), где автор сделал обзор турецкого и персидского Курдистана, а также дал полную характеристику положения курдских племен. Большой вклад в военно-топографическом исследовании Курдистана внесли многие известные русские негласные военные агенты, как Н.Р. Добошинский, Р.И. Термен ([Маршрутные описания..., 1908](#)), А.И. Ияс ([Поездка по северному..., 1915](#)) и другие.

В соответствии с разработанными в ШКВО планами, в будущей войне с Османской империей турецкому Курдистану отводилась роль передового театра. Не следует забывать и о том, что захват данного района Россией с его коммерческими возможностями для международной транзитной торговли, сулил ей немалую экономическую выгоду, тем более что район расположения IV корпуса турецкой армии непосредственно граничил с Месопотамией.

Первая мировая война наглядно показала значимость так называемого "курдского вопроса" в деле решения военно-политических задач России в Турции. Будущее Турции в России рассматривали через призму решения курдского и армянского вопросов. В России серьезно полагали, что после победы над Турцией к ней отошла бы солидная часть турецкого Курдистана. О том, каковы были планы России в отношении этого региона, и как отдельные русские военные специалисты предлагали решить, например, "курдский вопрос", дает ясное представление "Краткая записка об управлении курдами и о нуждах русских курдов" ([АНЦРК. Ф. 39. \(личный архивный фонд К.Н. Смирнова\), без описи. Д. 25](#)), составленная сотрудником разведывательного отделения ШКВО штабс-капитаном К.Н. Смирновым 31 декабря 1914 года, то есть спустя два месяца после начала активных военных действий на Кавказском фронте. Ниже предлагаем полный машинописный текст записки. Следует присовокупить, что данная записка не известна широкой научной общественности и впервые вводится нами в научный оборот.

*Краткая записка
об управлении курдами и о нуждах русских курдов*

Война с Турцией в настоящем ее положении дает основание предполагать, что в результате, от Турции отойдет значительный кусок территории, населенной главным образом курдской народностью.

Вероятнее всего, что России придется взять на себя попечение об этих курдах, в виду чего необходимо заранее подготовиться к такой возможной перспективе. Трудно себе представить, в какие формы выльется разложение Турецкой империи в этих странах, и к каким результатам приведут взаимоотношения живущих здесь курдов и армян. Едва ли осуществится наиболее удобная для нас комбинация разделения Армении-Курдистан на отдельные небольшие государства под нашим протекторатом.

Трудно также ожидать, чтобы настоящая война решила окончательно курдский вопрос, ибо вопрос этот еще в зачаточном состоянии, а масса населения Курдистана слишком еще косна и неподготовлена для восприятия идей понятных только немногим курдским патриотам и мечтателям вроде Кемаль-Бея. К тому же Кемаль-Бей или другие подобные агитаторы являются скорей претендентами на новые престолы, чем действительными освободителями народа от турецкого ига.

Вернее всего предполагать, что в результате войны и весьма вероятного междоусобия в Армении-Курдистане к России отойдет весь Баязидский санджак, а может быть и еще большая часть территории не только Турции, но и прилегающей части Персии.

На подобную перспективу Россия не может смотреть иначе, как на новую тяжелую обязанность, посылаемую историческим роком и потому следует употребить все усилия, дабы справиться с новой задачей с возможно меньшей затратой сил и средств.

Область эта не может обещать России каких либо существенных выгод и на возможность ее присоединения надо смотреть почти исключительно как на приобретение нового плацдарма, вынесенного подальше вперед от губерний и областей, имеющих более жизненное значение для России с Кавказом. За исключением же этого область эта может нас интересовать только еще разве, как новые земли для раздачи или колонизации их безземельным населением Эриванской губернии, в числе которого первое место в этом отношении занимают опять таки курды.

Для того чтобы меньше затрачивать сил и средств, рационально было бы создать здесь полунезависимый курдский амирет (княжество) с поставленным нами эмиром, который во всем должен беспрекословно слушаться приставленного к нему резидента.

Если же по политическим мотивам будет признано нежелательным создание здесь курдского княжества, то тогда надо учредить здесь особое управление, вполне подходящее к формам общежития курдов. И самое лучшее, привлечь к управлению самих курдов путем назначения более влиятельных из их старшинами, низшими судьями, или может быть создать даже нечто вроде общинных советов, как это широко практикуется англичанами в Индии.

Если генерал-майор Шамшадинов* оправдает возлагаемые на него надежды, то может быть, будет признано допустимым исполнить его желание, назначив его начальником курдов, т.е. как бы правителем или губернатором, а вместе с тем во главе управления курдами поставить опытного администратора в чине полковника, приравняв его по правам к помощникам военных губернаторов.

* Генерал-майор Шамшадинов был родоначальником Зиланских курдов и состоял "при войсках Кавказского военного округа". Его донесения в ШКВО проливают свет на многие вопросы истории курдов (ЦГИАГ. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 386. Л. 16, 42). Следует заметить, что в октябре 1914 г. к генералу Шамшадинову был прикомандирован автор предлагаемой записки штабс-капитан К.Н. Смирнов. Последний вместе с Шамшадиновым ездил в районы расселения курдов: в Макинское ханство, Баязид, Диадин, и Каракилису, что дало ему возможность на месте ознакомиться с положением живущих там курдов (Тер-Оганов, 2015: 260).

Подобное положение долго продолжиться не может, ибо генералу Шамшадинову 65 лет и он бездетен, следовательно, нет основания положение начальника курдов делать наследственным. Таким образом, после генерала Шамшадинова начальник курдского управления фактически сделался бы и начальником курдов, так как другие родственники генерала Шамшадинова находятся в очень маленьких чинах милиции и нет никакого основания/ выдвигать их.

В краткой записке неуместно касаться штата управления курдами, вопроса взаимоотношения курдского управления к податным, судебным и прочим учреждениям. Надо только отметить желательность подчинения курдского управления непосредственно высшей власти Кавказа в порядке военно-народного правления.

При этом желательно было бы режим управления курдами приблизить к режиму казачьих войск, ибо уже много лет курды Турции организованы в полки легкой кавалерии, и переход сразу на гражданский режим без отбывания личной воинской повинности может привести к беспорядкам и грабежам, просто потому, что масса людей останется без привычного для них дела.

Готовясь к возможности увеличения количества курдского населения с точки зрения военно-политических интересов в высшей степени желательно теперь же обратить внимание на положение наших курдов.

Военно-политическая задача относительно Курдистана была бы гораздо легче, если бы наши курды теперь же были бы уже представлены несравненно лучше наших будущих подданных или вассалов и положение их было бы предметом зависти для зарубежных курдов.

Надо чистосердечно сознаться, что нами сделано слишком мало для того, чтобы из такого нетронутого еще цивилизацией народа, как курды, создать полезный элемент населения империи. Между тем курды народ далеко небезнадежный, [они] обладают многими хорошими задатками патриархальных народов, что признается и нашими чиновниками, в большинстве случаев нелюбящими население и в том числе, и курдов, а курды, в свою очередь, терпеть не могут чиновников.

Не вдаваясь в разбор причин такого печального положения, нельзя только не отметить, что чиновничество, ненавидящее население, и население, ненавидящее чиновников, представляет из себя явление вполне уродливое, и России, распространившей свои пределы до Арарата и несущей культуру в среду диких народов.

Путем бесед с лицами администрации и самими курдами можно составить следующее впечатление о нуждах курдов: Во-первых, как много лет не перестает заявлять об этом Эриванский губернатор, курдов надо обеспечить землей, а в некоторых местах и водой.

Сравнивая положение наших курдов с положением их единоплеменников в Турции и Персии, нельзя не прийти к заключению, что положение наших курдов несравненно хуже положения курдов зарубежных. Например, персидские джелалинцы* 8 раз в году меняют место кочевки. Наши же курды имеют кочевку, которая хватает им только на два самых жарких месяца и давно лишены крайне необходимых мест весенней и осенней кочевок.

В Турции аширетные (то есть, кочевые – Н.К. Тер-Оганов) курды живут гораздо зажиточнее, чем оседлые (так называемые курды райетные), что вытекает из самых условий труда и жизни патриархального скотовода и земледельца. У нас же именно создаются условия, ставящие наших курдов в положение райетных курдов Турции.

Почему-то многие думают, что культура заключается именно в обращении полукочевого населения в совершенно оседлое. Бесспорно, это бывает необходимо по недостатку земель, но некоторые администраторы принципиально против кочевого быта и во имя этого принципа хотят неперемменно хорошего пастуха обратить в плохого земледельца, стремятся к увеличению площади земледелия в ущерб

* Автор записки имеет в виду представителей курдского племени "джалали". Согласно архивным материалам, персидские джелалинцы, подведомственные Макинскому хану, нередко занимались разбоем гражданского населения, вторгаясь в пределы Эриванской губернии (ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 90. Л. 2).

скотоводству, хотя, почему-то, заставить переходить курда к более тяжелому виду труда, и вообще, заставить население в жаркие месяцы сидеть непременно в знойных лихорадочных низменностях с мириадами насекомых, изнуряющих и людей, и скот. Так уж со школьной скамьи, от уроков географии, у многих на всю жизнь остается убеждение, кажущееся неоспоримым, что переход населения на оседлый образ жизни является первым благом культуры, но самом деле оно не всегда так и, в частности, следовать этому принципу, применяя его к курдам, большая ошибка.

Администрация утверждает, что земля почти нет, а курды уверяют, что есть пустующие казенные земли и что если бы только правительство захотело, то могло бы наделить их весенними и осенними кочевками, или хотя бы пахотной землей.

Не имея фактического материала, трудно судить насколько правы курды, но следует однако иметь в виду, что если, в действительности, земля сейчас нет, то они могут оказаться в результате войны с Турцией, и именно земли пригодные для курдского хозяйства, а для их хозяйства годятся даже, по-видимому, абсолютно негодные потоки застывшей лавы или мокрые заросли камыша. Такими угодьями, например, в обилии располагают курды Макинского ханства, и наши курды с завистью смотрят на эти пустыри.

В результате войны может быть передел земель, и в таком случае, прежде всего, надо наделить землей наших безземельных и малоземельных курдов.

Не только в земельном, но и в налоговом отношении наши курды находятся в худшем положении, чем зарубежные. Наши курды платят не только гораздо больше турецких или персидских [курдов – Н.К. Тер-Оганов], но прямо таки можно сказать, что они обременены непосильными налогами. В особенности курдам тяжело, что [в] последнее время очень увеличили налог за пользование овчарниками. Эриванский губернатор находит, что этот налог необходимо уменьшить между тем, как, по слухам, предполагалось его еще увеличить. Некоторые чины администрации сами говорили мне, что ни по отношению курдов ничего не делаем за исключением выкалачивания из них налогов и довели их до нищеты.

Курд совершенно нетронутая натура и его надо всему учить. Он как хищник привык к хозяйству на огромных площадях и, как только встретился с малоземельем, впал в оседлость, не умея извлечь всю ту пользу, которую можно получить из своего небольшого надела. Необходимо научить его земелепользованию.

В Туркестане мы устраивали опытные поля, учили население новым видам культур, раздавали семена и проч. Все то же самое надо сделать и для курдов, зевая им инструкторов сельского хозяйства, скотоводства, пчеловодства, молочного хозяйства и проч.

Находят даже, что надо, наделив курдов землей, позаботиться еще, чтобы земли эта не перешла в руки экономически более сильных и предприимчивых соседей. Словом, курд нуждается еще в опеке.

Опека будет не нужна, когда народное образование проникнет в массу курдского населения. Пока среди курдов Эриванской губернии открыто только два училища – одно в Миракском обществе, другое – в Зоре.

Уже эти школы дали прекрасные результаты в смысле распространения знания русского языка и грамотности, и курды с благодарностью вспоминают основателей этих школ, из которых первая была основана трудами отставного генерала, мирвого посредника, и вторая, столь ненавидимым армянами уездным начальником полковником Богуславским (Тер-Оганов, 2015: 85, 191), убитым в смутное время на Кавказе.

Курды, несмотря на свою сравнительную дикость, отлично понимают пользу образования и очень хотели бы, чтобы число школ было увеличено, но на казенные счет. Следовало бы прийти навстречу их желаниям. По мнению Эриванского губернатора, конечно, школы должны быть открыты на казенный счет и следовало бы этим школам придать профессиональный характер. Мне кажется, что, принимая в соображение кочевой образ жизни курдов, школам, кроме того, следовало бы придать подвижный характер, т.е., чтобы школы выходили на кочевки, а не закрывались бы в это время, ибо, при нормальном образе жизни курдов кочевка продолжается не два месяца, а около полугода.

Помимо элементарного образования следовало предоставить возможность сыновьям знати получить среднее и высшее образование, дабы этим сравнять курдов с другими народами, и вместе с тем способствовать уменьшению влияния агаларов* на народ, ибо, конечно, когда образованные люди из знати будут жить не в деревнях и на кочевках, то влияние их уменьшится, и они даже отдалятся от народа, что в политическом отношении принесет нам только пользу.

Пока из курдов нет ни одного офицера с образованием, и есть только офицеры милиции. Только недавно одного мальчика приняли в Киевский кадетский корпус, к великой зависти других курдов, и только один курд Елисаветпольской губернии проходит курс университета.

Для цивилизации курдской аристократии надо принять на казенный счет десятка два мальчика в кадетские корпуса и в пансион гражданских учебных заведений. В этом отношении даже турки проявили больше заботливости о курдах, чем мы, так как в Константинополе существует так называемая аширетная школа для сыновей курдской знати.

Большим подспорьем для цивилизации курдов была бы воинская повинность слишком неестественно, с другой стороны, что мы не пользуемся для армии таким прекрасным материалом, как курды. Ошибочно думать, что курды готовые войны. Благодаря нынешним условиям жизни, многие из них никогда не держали в руках винтовки и не ездили на мало-мальски порядочной лошади. Но, как материал, они хороши, так как в большинстве случаев отличаются выносливостью, крепким здоровьем, не подорванным еще ни пьянством, ни курением опиума, довольствуются малым, приучены к покорности старшим в лице своих агаларов (т.е. своеобразно, но дисциплинированы) и все любят военную службу, считая себя военным народом.

Для них наиболее подходящая форма отбывания воинской повинности приблизительно та, которая принята в Турции, и у нас из них следовало бы сформировать часть наподобие Крымского конного полка или Осетинского дивизиона. Причем для лучшей их цивилизации и большей благонадежности на первое время можно было бы штаб-квартиру части назначить не в самом Курдистане (хотя относительно благонадежности надо заметить, что в минувшие кампании курдские милиционные части несли службу на театре войны с Турцией).

Если содержание особой курдской части и обойдется несколько дорого, как и всех подобных частей, то все же не следует останавливаться перед таким расходом, имея в виду политическое и цивилизаторское значение подобной курдской части.

Помимо всех перечисленных мер, для улучшения положения наших курдов желательно было бы изменить самый порядок, управления ими. Не говоря уже о том, что было бы весьма целесообразно выделить их в особую административную единицу или даже несколько, сообразно числу губерний, в которых курды расселены, образовав нечто вроде приставов кочевых народов Ставропольской губернии, вообще желательно было бы провести более рельефно принцип единства власти, более понятный мусульманскому населению, чем принятая ныне система существования чиновников разных ведомств и категорий. Мало развитое население совершенно теряется, не зная, к кому надо обращаться в каждом отдельном случае к приставу ли, к мировому ли посреднику, к чиновнику ли М[инистерст]-ва государств[енных] имуществ или к кому-нибудь другому. Курдам, как, впрочем, и другим мусульманам, было бы легче, если бы ими управлял единолично окружной начальник, как это было, например, в Закаспийской области до разделения уездов на приставства (но, конечно, при этом надо разделить области на большее количество мелких округов). У англичан в Индии тоже больше единства власти в управлении округами, во главе которых стоят коллекторы, пользующиеся большой властью по отношению населения.

Для того, чтобы создать у нас вроде коллектора Индии, получавшего громадное содержание, у нас тоже необходимо прибавить, и при этом весьма существенным образом, содержание чиновникам администрации, уменьшив их количество. То и другое весьма облегчит положение курдов, которые уверяют, что вся эта масса чиновничества

* Агалар – персидско-турецкая термин – здесь: курдская знать – Н.К. Тер-Оганов.

берет взятки в той или другой форме. Положим тут может быть и много клеветы, но с другой стороны нет ничего удивительного, если, в самом деле, многие из чиновников, получающие в высшей степени мизерное содержание при настоящей дороговизне принуждены пользоваться незаконными доходами.

Во всяком случае, обременение населения налогами и многочисленной администрацией в военно-политическом отношении, конечно, факт особенно вредный. Может быть поэтому здесь имела сравнительный успех панисламистская пропаганда, и вернее всего, что именно поэтому мусульманское население при-Араратского района, в том числе, конечно, и курды, по меньшей мере, равнодушны слухам о временной замене русской власти турецкой в случае вторжения сюда турков, и туркам было бы весьма нетрудно поднять здесь восстание.

Относясь критически к большинству того, что сделано нами по части управления курдами, нельзя, однако не одобрить того, что весь режим управления способствовал умалению власти и влияния курдских агаларов. Покупать влияние этих людей слишком дорого и малонадежно и поэтому, действительно, самое лучшее их развенчать в глазах населения. Это проделано нашей администрацией не только весьма планомерно, но и осторожно. Теперь власть не только пристава, но и правительственного старшины гораздо больше, чем родоначальника, генерала Шамшадинова. Некоторых курдских агаларов проводят на должности правительственного старшины или начальника кочевков, но в то же время есть старшины из курдов по выборам, далеко не из лучших фамилий.

В этом отношении надо продолжать начатую работу, но чтобы гарантировать себя от агитации недовольной и озлобленной курдской знати, надо немного заняться ею. Во-первых, дать возможность некоторой части молодежи получить хорошее образование, дабы они могли найти удовлетворение честолюбия, путем службы или общественной деятельности в более широких кругах, чем деятельность среди своих единомышленников.

Затем, и немедленно, как только представится возможность, необходимо наделить агаларов землей, совершенно выделив их доли из общих со всеми курдами овчарников, кочевков и т.р. угодий.

Для этого надо серьезно разобраться по документам, историческим справкам и применительно к нашим понятиям и законам, кто действительно имеет право считаться дворянином. Таких лиц, наделив землей сообразно степени их родовитости и заслуг перед Россией, необходимо занести в дворянские книги, и некоторым, как например, старшим линиям фамилии Шамшадиновых или Фатыбековых и друг[их], может быть даже пожаловать княжеский титул в виду несомненной их родовитости, во всяком случае, не меньшей, чем большинство грузинских князей.

Все перечисленные мероприятия, как относительно всего курдского народа, так в частности в отношении курдской аристократии, необходимо было бы осуществить поскорей, безотлагательно приступив к их обсуждению. Этого требует не только элементарная справедливость, но и наши военно-политические интересы в этом крае. Слишком ненормально, что мы начинаем думать о курдах только тогда, когда у нас обостряются отношения с Турцией и доходят до войны, а как только война минует, мы о них забываем, сдавая все записки о курдах в исторические архивы. При таких условиях нет ничего удивительного, что курды не привязаны к нам и недовольны нашей властью. Однако, отмечая недовольство курдов, надо отметить и то обстоятельство, что причиной своих тяжелых условий курды считают исключительно низших царских слуг, к высшей же власти Кавказа и губерний они относятся с полным уважением, а имя Государя Императора чтят должным образом, как подобает верноподданным.

Гв[ардии] штабс-капитан Смирнов
31 декабря 1914 г.

Исходя из содержания текста вышеприведенной записки, мы не знаем составил ли ее К.Н. Смирнов по поручению Штаба Кавказского военного округа или же она была его личной инициативой. Тем не менее данная записка, судя по дате ее составления, дает нам

основание утверждать, что интерес Смирнова к проблеме так называемого "курдского вопроса" и путям ее решения был неслучайным. Его командирование в распоряжении родоначальника Зилянских курдов, генерал-майора Шамшадинова, и его живое соприкосновение с жизнью курдов, скорее всего, и подтолкнуло Смирнова к мысли об изложении своего взгляда по данному вопросу.

Анализ записки позволяет нам сделать несколько заключений относительно путей решения "курдского вопроса", как это представлялось К.Н. Смирнову. В первую очередь, следует обратить внимание на то, что в самый разгар Первой мировой войны, когда положение на турецком фронте в конце 1914 г. вызывало тревогу у военного командования Кавказского края, Смирнов высказывает уверенность в окончательной победе над Турцией. В результате последней, по его предположению, к России могла отойти солидная часть турецкого Курдистана, а именно Баязидский санджак (между прочим, это тот самый санджак, который, по решению Берлинского конгресса в 1878 г., был возвращен Турции). То есть, из вышесказанного следует, что Россия была нацелена на решение важной геополитической задачи, которая преследовала две цели. Одна заключалась в территориальном расширении империи, когда военный плацдарм был бы вынесен далеко от границ Закавказья, что создавало большое преимущество для кавказской армии. Вторая цель преследовала экономические интересы. Передвинув границу к линии расквартирования VI армейского корпуса турецкой армии, у России появлялась реальная возможность в будущем выхода на пути международной транзитной торговли, проходящих через Месопотамию, что кардинальным образом могло изменить торгово-экономический баланс в пользу России на Ближнем Востоке.

Кроме решения геополитической задачи, смирновский проект предусматривал решение проблемы безземельных курдов Закавказья, которых он предлагал расселить на завоеванной территории. Для лучшего управления делами курдов, по его мнению, следовало создать полунезависимое курдское княжество или амирет, во главе которого стоял бы лояльный России эмир, которому с российской стороны следовало бы приставить полномочного резидента. Функции резидента должны были быть схожи с функцией английского резидента в Индии, то есть он должен был обладать широчайшими правами. Или же, по мнению Смирнова, по аналогии с английской системой управления, успешно практиковавшейся англичанами в Индии, России следовало перенять их опыт, и учредить "особое управление" для курдов.

Вместе с тем, учитывая специфику быта курдов, следовало установить такой режим управления, который был бы схожим с казачьим режимом управления, причем взяв за образец систему организации турками курдской легкой кавалерии. С этой целью следовало, как полагает автор записки, организовать воинскую часть из курдов наподобие Крымского конного полка или Осетинского дивизиона. Как видно из записки, Смирнов предлагал подчинить "особое управление" курдов непосредственно кавказской администрации.

Следует заметить, что Смирнов не одобрял практику перевода курдов-кочевников на оседлый образ жизни, который широко применялся кавказской администрацией. По мнению Смирнова, курдам было трудно менять свой менталитет, тесно связанный с кочевым образом их жизни на оседлый. Согласно ему, перевод закавказских курдов на оседлость лишил многих курдов средств пропитания. Для смены их образа жизни, по убеждению Смирнова, было необходимо внести, прежде всего, просвещение в курдские массы, а представителям курдской племенной знати давать среднее и военное образование, а также использовать ту практику ведения сельского хозяйства среди кочевников, которую успешно применяла администрация Туркестана.

3. Заключение

История исследования проблемы Курдистана и "курдского вопроса", а также записка К.Н. Смирнова на эту тематику являются наглядной иллюстрацией живого интереса военно-политических кругов России и, в частности, Штаба Кавказского военного округа, относительно путей возможного их решения.

Литература

Аверьянов, 1900 – Аверьянов П.А. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис. Издание отдела Генерального штаба при Штабе Кавказского военного округа, 1900.

АНЦРК – Архив национального центра рукописей Грузии.

Бензенгр, 1911 – Бензенгр А.В. Записка о Курдистане. – Сборник материалов по Азии, вып. LXXXIV, СПб., 1911.

Камсаракан, 1884 – Камсаракан К.П. Вторжение шейха Обеид-Уллы в Персию в 1880 году. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск XI. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1884. С. 34-46.

Карцев, 1897 – Карцев, полковник Генерального Штаба. Заметки о курдах. – "Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества", книжка XIX, Тифлис, 1897.

Ляхов, 1906 – Ляхов В.П. Отчет Генерального штаба подполковника Ляхова о командировании его в Турцию в 1904 году. Тифлис: Издание Штаба Кавказского военного округа, ч.1-2, 1906.

Маевский, 1904 – Маевский В.Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. Тифлис, 1904.

Маршрутные описания..., 1908 – Маршрутные описания путей в Эрзерумском и Ванском вилайетах, составленные Н.Р. Добошинским и Р.И. Терменом в 1905, 1906 и 1907 годах. Тифлис: Издание разведотделения Штаба Кавказского военного округа, 1908.

Поездка по северному..., 1915 – Поездка по северному персидскому Курдистану л.-г. Литовского полка полковника Ияса А.И., бывшего российского императорского консула в Соудж-Булаке, Петроград, 1915.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Сборник маршрутов..., 1892 – Сборник маршрутов, пройденных в совместной поездке Д.Д. Геденовым и А.И. Гиппиусом по пути астрономических рейсов в Турецкой Армении, Курдистане и Сирии. Тифлис, Издание Штаба Кавказского военного округа, 1892.

Тер-Оганов, 2006 – Тер-Оганов Н.К. Поездка подполковника Генерального штаба В.П.Ляхова и штабс-капитана К.Н. Смирнова в Турцию в 1904 году. // Russian History. Vol.33, №1, 2006, с.109-141.

Тер-Оганов, 2015 – Тер-Оганов Н. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870-1918 гг.). Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing, 2015.

Туманский, 1909 – Туманский А.Г. Очерк района Эрзерумского и Битлисского вилайетов, прилегающего к левому флангу операционной линии – к Эрзеруму и – маршрутные описания (Отчет о полевой поездке 1903 года). Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1909.

Халфин, Рассадина, 1977 – Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханьков – востоковед и дипломат. Москва: Издательство "Наука", Главная редакция восточной литературы, 1977.

Ханьков, 1853 – Ханьков Н.В. Поездка в Персидский Курдистан // газета "Кавказ", № 22, 25, Тифлис, 1853.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Чириков, 1875 – Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849-1852. Под редакцией М.А. Гамазова. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1875.

References

Aver'yanov, 1900 – Aver'yanov P.A. Kurdy v voynakh Rossii s Persiei i Turtsiei v techenie XIX stoletiya. Sovremennoe politicheskoe polozhenie turetskikh, persidskikh i russkikh kurdiv. Istoricheskii ocherk. Tiflis. Izdanie otdela General'nogo shtaba pri Shtabe Kavkazskogo voennogo okruga, 1900.

ANTsRK – Arkhiv natsional'nogo tsentra rukopisei Gruzii.

Benzengr, 1911 – Benzengr A.V. Zapiska o Kurdistane. – Sbornik materialov po Azii, vyp. LXXXIV, SPb., 1911.

[Kamsarakan, 1884](#) – Kamsarakan K.P. Vtorzhenie sheikha Obeid-Ully v Persiyu v 1880 godu. – Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vypusk XI. SPb.: Voennaya tipografiya (v zdanii Glavnogo shtaba), 1884. S. 34-46.

[Kartsev, 1897](#) – Kartsev, polkovnik General'nogo Shtaba. Zametki o kurdakh. – "Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva", knizhka XIX, Tiflis, 1897.

[Lyakhov, 1906](#) – Lyakhov V.P. Otchet General'nogo shtaba podpolkovnika Lyakhova o komandirovanii ego v Turtsiyu v 1904 godu. Tiflis: Izdanie Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, ch.1-2, 1906.

[Maevskii, 1904](#) – Maevskii V.T. Voенно-statisticheskoe opisaniye Vanskogo i Bitlisskogo vilaietov. Tiflis, 1904.

[Marshrutnye opisaniya..., 1908](#) – Marshrutnye opisaniya putei v Erzerumskom i Vanskom vilaietakh, sostavlennyye N.R. Doboshinskim i R.I. Termenom v 1905, 1906 i 1907 godakh. Tiflis: Izdanie razvedotdeleniya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1908.

[Poezdka po severnomu..., 1915](#) – Poezdka po severnomu persidskomu Kurdistanu l.-g. Litovskogo polka polkovnika Iyasa A.I., byvshego rossiiskogo imperatorskogo konsula v Soudzh-Bulake, Petrograd, 1915.

[RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv.

[Sbornik marshrutov..., 1892](#) – Sbornik marshrutov, proidennykh v sovместnoi poezdke D.D. Gedeonovym i A.I. Gippiusom po puti astronomicheskikh reisov v Turetskoi Armenii, Kurdistane i Sirii. Tiflis, Izdanie Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1892.

[Ter-Oganov, 2006](#) – Ter-Oganov N.K. Poezdka podpolkovnika General'nogo shtaba V.P.Lyakhova i shtabs-kapitana K.N. Smirnova v Turtsiyu v 1904 godu. // Russian History. Vol. 33, №1, 2006, c.109-141.

[Ter-Oganov, 2015](#) – Ter-Oganov N. Iz istorii razvedki ShKVO v Turtsii i Irane (1870-1918 gg.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015.

[Tumanskii, 1909](#) – Tumanskii A.G. Oчерk raiona Erzerumskogo i Bitlisskogo vilaietov, prilgayushchego k levomu flangu operatsionnoi linii – k Erzerumu i – marshrutnye opisaniya (Otchet o polevoi poezdke 1903 goda). Tiflis: Tipografiya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1909.

[Khalfin, Rassadina, 1977](#) – Khalfin N.A., Rassadina E.F. N.V. Khanykov – vostokoved i diplomat. Moskva: Izdatel'stvo "Nauka", Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1977.

[Khanykov, 1853](#) – Khanykov N.V. Poezdka v Persidskii Kurdistan // gazeta "Kavkaz", № 22, 25, Tiflis, 1853.

[TsGIAG](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii.

[Chirikov, 1875](#) – Chirikov E.I. Putevoi zhurnal E.I. Chirikova, russkogo komissara-posrednika po turetsko-persidskomu razgranicheniyu 1849-1852. Pod redaktsiei M.A. Gamazova. SPb.: Tipografiya O.I. Baksta, 1875.